ГИ 200
М 645

И. И. Минц

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ В МОСКВЕ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1947

Академик И. МИНЦ

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ В МОСКВЕ

3 экз.

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ • 1947

ГИ 200
М 645

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при ЦК ВКП(б)
630535

В истории нашей Родины есть годы, которые являются важнейшими гранями, поворотными этапами исторического развития. Таким годом является тысяча девятьсот семнадцатый.

Но 1917 год не просто важнейшая историческая грань, — это год великого революционного переворота, который вошел в историю не только нашей страны, но и в историю всего человечества.

Возглавляемый партией Ленина — Сталина, русский рабочий класс, в союзе с крестьянской беднотой, при поддержке солдат и матросов, в октябре 1917 года сверг власть буржуазии, установил власть Советов, учредил новый тип государства — социалистическое советское государство, — отменил помещичью собственность на землю, передал землю в пользование крестьянству, национализировал все земли в стране, экспроприировал капиталистов, завоевал выход из войны — мир, получил необходимую передышку и создал, таким образом, условия для развертывания социалистического строительства.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла собою новую эпоху в мировой истории — эпоху строительства социализма на одной шестой части земного шара. Началась новая полоса в истории России.

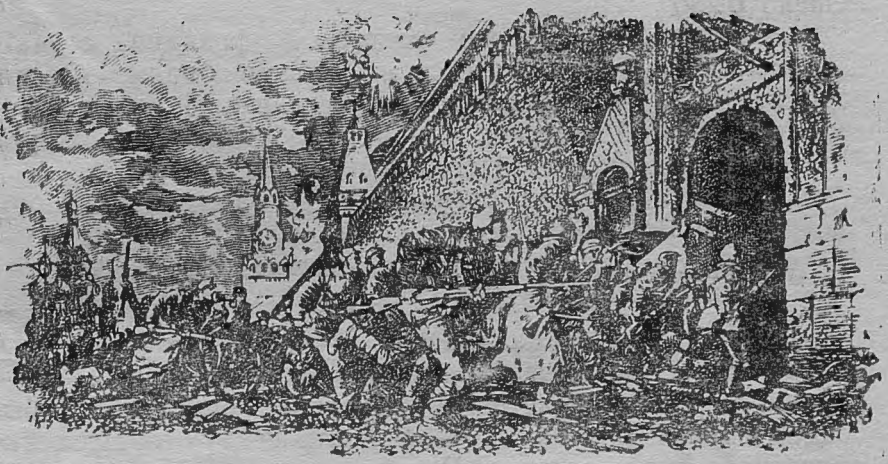
«История народов, — говорил товарищ Сталин на I съезде колхозников-ударников, — знает немало революций. Они отличаются от Октябрьской революции тем, что все они были однобокими революциями. Сменялась одна форма эксплоатации трудящихся другой формой эксплоатации, но сама эксплоатация оставалась. Сменялись одни эксплоататоры и угнетатели другими эксплоататорами и угнетателями, но сами эксплоататоры и угнетатели оставались. Только Октябрьская революция поставила целью — уничтожить **всякую эксплоатацию** и ликвидировать **всех** и **всяких** эксплоататоров и угнетателей».

Начало великой социалистической революции в 1917 году положил Петроград. Победа вооруженного восстания в Петрограде определила победу советской власти по всей стране. Опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, происходивший 25—26 октября (7—8 ноября), объявил о переходе всей власти в руки Советов, образовал первое советское правительство — Совет Народных Комиссаров, принял декреты о мире и земле. Делегаты съезда, разъехавшись на места, повсюду разнесли весть о победе Советов в Петрограде. С их помощью советская власть быстро распространилась по всей стране.

Но не сразу во всех местах перешла власть к Советам. Рабочим и трудящимся крестьянам в провинциях приходилось еще долго с боем завоевывать власть.

В Москве, которая до революции считалась второй столицей после Петрограда, власть Советов утвердилась лишь после нескольких дней упорных и жестоких боев революционных рабочих и солдат с белогвардейцами и юнкерами, поднятыми на мятеж кадетами, эсерами и меньшевиками.

В этой брошюре и рассказывается о том, как победила пролетарская революция в Москве, как московская организация большевиков, следуя указаниям Ленина и Сталина, отбросила колеблющихся, сломила сопротивление противников вооруженного восстания и добилась решающей победы над контрреволюцией в Москве.



1

НАЧАЛО ВЫСТУПЛЕНИЯ

Весь день 24 октября телефон между Москвой и Петроградом не работал. Что происходило в столице — никто не знал. Только утром 25 октября Ногин из Петрограда позвонил в Московский Совет. Там в 10 часов утра предстояло соединенное заседание Исполнительных комитетов обоих Советов, но собраться еще не успели. Пришли только на заседание своей фракции большевики. При получении телефонограммы случайно присутствовал начальник Красной гвардии Совета А. С. Ведерников. Он передал сообщение Ногина в Московский комитет, который помещался недалеко — в гостинице «Дрезден», на Скобелевской площади.

Как раз в этот момент там происходило заседание. Московский комитет большевиков еще не знал о событиях в Петрограде. Решался вопрос о создании боевого центра при Совете. Обсуждение шло под впечатлением разгрома Совета в Калуге. Все признавали необходимость срочных мер, но о непосредственном выступлении еще не говорили.

Решено было

«поручить сейчас же советской фракции создать немедленно боевой центр на пропорциональных основах из 3 большевиков, 1 меньшевика, 1 эсера и 1 — от Красной гвардии, 1 — от штаба военного округа. Соотношение сил: 4 большевика и 3 прочих.

Работа военной организации продолжается. Поручается Военному бюро поднять во всех частях политическую кампанию, чтобы части заявили, что они никаким решениям без Совета не подчиняются»[1].

Тут же наметили кандидатов в этот *советский* боевой центр. Затем Московский комитет перешел к вопросу о *партийном* боевом центре. Единодушно, без прений, был создан единый партийный боевой центр из двух товарищей от областного бюро, двух от Московского комитета и одного от Окружного комитета партии большевиков. Кроме того, было предложено ввести одного представителя от профессиональных союзов и одного от военной организации. Партийный центр был наделен диктаторскими полномочиями.

Едва были закончены выборы, как стало известно о восстании в Петрограде. Советского боевого центра еще не было: заседание Советов намечалось только в 3 часа дня. А обстановка требовала принятия немедленных мер. Партийный центр, оставаясь в гостинице «Дрезден», постановил прежде всего занять почту и телеграф, установить охрану в Политехническом музее, где предполагалось заседание Совета, закрыть буржуазные газеты. Всем районным комитетам большевиков было предложено избрать районные боевые центры и занять комиссариаты милиции. Областному бюро партии большевиков поручили отправить кого-нибудь в Александров с просьбой прислать сюда ручные бомбы, в Орле и Брянске создать оборонительные пункты на случай наступления контрреволюции на Москву. Областное бюро командировало от себя организатора смоленского землячества в город Смоленск и предупредило Тулу о событиях в Москве.

Занятие почты и телеграфа возложили на А. С. Ведерникова. Он решил вызвать части 56-го полка. Штаб полка и два батальона квартировали в Покровских казармах, 1-й батальон и 8-я рота стояли в Кремле, а остальные роты 2-го батальона — в Замоскворечье.

---

[1] Московский партархив. Протоколы МК РСДРП(б).

Захватив с собой О. М. Берзина, прапорщика 8-й роты, Ведерников около полудня помчался на автомобиле в Покровские казармы. Попали на заседание полкового комитета. Заседание прервали, сообщили о свержении Временного правительства в Петрограде и потребовали выделить две роты полка для захвата почты и телеграфа. Председатель полкового комитета, эсер, после долгих колебаний поставил вопрос на обсуждение. Офицеры требовали сохранять спокойствие и ждать распоряжения штаба округа. Солдаты — эсеры и меньшевики — требовали предупредить Совет солдатских депутатов. Полковой комитет явно затягивал решение вопроса. Вдруг вскочил солдат-большевик и закричал:

— Ребята, нечего тут слушать, как нам зубы заговаривают!.. Мы должны выступить. Довольно тут болтать, айда выстраивать роты!

Солдаты поднялись с мест. Кто-то крикнул:

— Выстраивай свою одиннадцатую роту, а я выведу свою!

Солдатская часть полкового комитета кинулась по ротам выводить рядовых. Минут через пятнадцать две роты — 11-я и 13-я — выстроились на площади перед казармой. Быстро пересчитались и двинулись из ворот. Навстречу попался командир полка, но солдаты даже не задержались.

Подошли к Центральному телеграфу и почтамту, заняли все входы, расставили караул, не прерывая занятий служащих. При этом произошло недоразумение, приведшее к серьезным последствиям: рядом с почтамтом и телеграфом находилась Междугородная телефонная станция. Заняв ее, отряд считал свою задачу выполненной. Между тем необходимо было захватить и Центральную городскую телефонную станцию, находившуюся в Милютинском переулке. Этого не сделали.

Не успели солдаты занять посты, как со стороны Красных ворот подошла рота юнкеров Алексеевского военного училища и свернула в ворота почтамта. Выставленный в воротах пост преградил дорогу и взял винтовки наизготовку. На вопрос удивленного офицера солдаты ответили, что здесь караул несет 56-й полк. Офицер по телефону сообщил в штаб округа о создавшемся положении. Как потом оказалось, штаб уже знал о перевороте в Петрограде и в свою очередь, принимал лихорадочные меры — первым де-

лом пытался занять телеграф. Но посланных для захвата телеграфа юнкеров уже успели опередить революционные солдаты. Командующий войсками Московского военного округа полковник Рябцев вынужден был увести юнкеров назад. На телеграфе остались революционные патрули.

В то самое время, когда солдаты спешили к телеграфу, в здании Московского Совета после часа дня состоялось совещание представителей всех фракций. Были на нем и большевики.

На совещании взволнованный городской голова эсер Руднев огласил информацию о событиях в Петрограде. Тут же присутствовал и командующий Московским военным округом Рябцев.

Совещание от имени бюро всех фракций приняло следующий проект резолюции для пленума обоих московских Советов, назначенного на 25 октября в 3 часа дня:

> «Для восстановления революционного порядка в Москве и охраны от всяких попыток контрреволюции создается временный демократический орган, составленный из представителей Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, городского самоуправления, земского самоуправления, штаба, железнодорожного Всероссийского союза и почтово-телеграфного союза»[1].

Представители фракции большевиков в Исполнительном комитете, в лице Смидовича и Игнатова, не возражали против такого органа. Спорили только о числе представителей. Руднев настаивал на большинстве от думы, а Смидович и Игнатов — от Советов.

Этот проект коренным образом расходился с постановлением Московского комитета большевиков о создании боевого советского центра. Соглашаясь на предложение Руднева, большевики, участники межфракционного совещания, вступили на путь переговоров с соглашателями.

Только в 6 часов вечера в Большой аудитории Политехнического музея открылось объединенное заседание Советов. Собрание было закрытым. Зал был переполнен. Все уже знали о восстании в Петрограде, но сообщения были противоречивы: одни говорили о свержении Временного правительства, другие — о вызове войск с фронта. Делега-

---

[1] МАОР. Фонд 94 Моссовета, опись 1, дело № 25, лист 15.

ты, толпясь, возбужденно обсуждали тревожные вести. Но вот на трибуне появился председатель Смидович, открывший заседание:

«Товарищи! В ходе великих революционных событий, которые мы переживали за эти 8 месяцев, мы подошли к наиболее революционному и, может быть, трагическому моменту...»[1]

Аудитория словно подалась вперед. Все впились глазами в председателя. Каждый ждал ответа на волнующий вопрос об исходе восстания.

«На основании сведений, которые мы имеем, — продолжал Смидович, — мы не можем с уверенностью сказать, придет ли он к благополучному завершению... Сегодня мы будем говорить об образовании нового центра власти в Москве, революционного центра власти в Москве»[2].

Смидович настаивал на единогласном решении вопроса об организации власти в Москве. Он исходил из принятого на совещании бюро всех фракций Советов проекта резолюции о создании коалиционного органа власти, хотя к этому времени Смидовичу уже было известно решение Московского комитета большевиков.

Председатель кончил вступительное слово. В глубокой тишине были прочитаны телеграммы о восстании в Петрограде. Сведения были немногословны, но они не оставляли сомнений в победе восстания. После информации о петроградских событиях выступил меньшевик Исув и доложил о решении, которое наметилось на совещании представителей всех фракций по вопросу о создании коалиционного органа. Оно явно не отвечало характеру событий в Петрограде. Большевики потребовали тогда перерыва заседания.

На большевистской фракции проект «согласительной» революции о составе органа власти подвергся резкой критике. Представителям бюро фракции в Исполнительном комитете было указано, что принятая ими резолюция не только идет вразрез с линией партии и решением Московского комитета большевиков, но и может оказать плохую услугу восставшим питерским рабочим.

---

[1] Совет рабочих депутатов. Заседание Советов рабочих и солдатских депутатов 25 октября. «Известия Московского Совета рабочих депутатов» № 197, 26 октября 1917 г.

[2] Там же.

Против «согласительной» резолюции высказалось подавляющее большинство. Ее отвергли и приняли следующее решение:

«Московские Советы рабочих и солдатских депутатов выбирают на сегодняшнем пленарном заседании революционный комитет из семи лиц.

Этому революционному комитету предоставляется право кооптации представителей других революционных демократических организаций и групп с утверждения пленума Совета рабочих и солдатских депутатов. Избранный революционный комитет начинает действовать немедленно, ставя себе задачей оказывать всемерную поддержку революционному комитету Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов»[1].

Перерыв окончился. Делегаты заполнили зал.

Фракция большевиков призывала рабочих и солдатских депутатов в этот ответственный момент быть с рабочими и солдатами Петрограда. Кто не выполнит этой обязанности, тот будет предателем и изменником.

— Демагогия! — послышались возгласы меньшевиков и эсеров.

«Не сжигайте за собой кораблей! — крикнул меньшевик Исув. — Не рвите демократического фронта накануне Учредительного собрания!..»[2].

Эсеро-меньшевики бурно протестовали против создания Военно-революционного комитета. Они пугали рабочих изоляцией, грозили приходом к власти контрреволюционных организаций. Противопоставляли Военно-революционному комитету создание «демократического» органа в том виде, в каком предлагала резолюция всех фракций.

Заявления фракций окончены. Совет решает приступить непосредственно к голосованию, без прений. Начать решено с большевистской резолюции, но меньшевики настаивают на своей. На местах нарастает шум. Отдельные делегаты протестуют против затягивания меньшевиками заседания. Ряд ораторов требует слова для предложений. Эсеры шушукаются между собой и вдруг заявляют, что в голосова-

---

[1] Совет рабочих депутатов. Заседание Советов рабочих и солдатских депутатов 25 октября. «Известия Московского Совета и рабочих депутатов» № 197, 26 октября 1917 г.

[2] МАОР. Фонд 94 Моссовета, опись I, дело № 25, лист 24.

нии вообще участвовать не будут. Президиум замечает, что фракция эсеров резко уменьшилась: один за другим, а то и группами, эсеры потихоньку куда-то ускользали.

Заметив это бегство, большевики предложили пересчитать присутствующих. Поднялся невообразимый шум. Эсеры кричали, что совсем покинут заседание.

Началось голосование резолюций.

Большинством 394 голосов против 106 при 23 воздержавшихся пленум принял резолюцию большевиков. «Согласительная» резолюция собрала всего 113 голосов. Эсеры совсем не голосовали.

После голосования меньшевики огласили свое заявление:

> «Наш долг и обязанность оберегать рабочий класс и московский гарнизон до конца от той авантюры, от того опасного пути, на который вы (большевики — *Ред.*) идете. Поэтому мы в этот орган войдем, но войдем не для тех целей, для которых вы идете, а для того, чтобы продолжать там ту же разоблачительную работу, которую мы делали в Совете, для того, чтобы смягчить все те губительные последствия, которые падут на голову пролетариата и солдат Москвы» [1].

Две линии — большевистская и соглашательская — боролись 25 октября на пленуме Советов: первая — за выступление на поддержку петроградского пролетариата и гарнизона, вторая — за предательство пролетарской революции под предлогом ожидания дальнейшего развития петроградских событий.

Военно-революционный комитет был избран из четырех большевиков и трех меньшевиков.

Эсеры от участия в Московском военно-революционном комитете отказались.

В отличие от Петроградского военно-революционного комитета в московский входили и меньшевики, лазутчики буржуазии. Притом наряду с Усиевичем, преданным революционером, в состав Московского военно-революционного комитета входил и капитулянтски настроенный Муралов, впоследствии расстрелянный за измену родине. Такой состав не мог не отразиться на руководстве восстанием.

Вновь избранный Военно-революционный комитет отпра-

---

[1] МАОР. Фонд 94 Моссовета, опись I, дело № 25, лист 24.

вился немедленно из Политехнического музея в здание Совета и приступил к работе. Здесь же находился в ночь с 25 на 26 октября и Партийный боевой центр.

Куда уходили эсеры из Совета, скоро стало известно. Часа через три после начала пленума Советов, около 9 часов вечера, открылось экстренное заседание городской думы. Тут царило совсем другое настроение: атмосфера тревоги, нервного ожидания.

Преобладали кадеты и эсеро-меньшевики. Торжественность, которую старались вносить в заседание думы профессора из кадетов, исчезла. Депутаты нервно суетились. Они обменивались новостями, перебегали из одной фракции в другую, тесно окружали входивших руководителей фракций.

Слово было предоставлено городскому голове Рудневу. Он недавно разговаривал по телефону с Зимним дворцом. Министр внутренних дел меньшевик Никитин успел передать ему, что большевики предложили Временному правительству сдаться. Правительство поручило Рудневу организовать сопротивление в Москве.

Мрачным, трагическим тоном городской голова говорил:

«Вопрос идет о свержении правительства и захвате власти определенной партией — большевиками. Мы переживаем последние часы Временного правительства. Происходит агония власти» [1].

Далее Руднев огласил информацию о событиях в Петрограде. Телеграф захвачен большевиками, вокзалы в руках восставших. Предпарламент разогнан отрядом матросов и солдат. Сила на стороне Совета рабочих депутатов, но Временное правительство еще держится.

«Пятнадцать минут тому назад, — говорил Руднев, — министр внутренних дел Никитин сообщил следующее: полчаса тому назад к нему явились два солдата от Военно-революционного комитета с сообщением, что Временное правительство считается низложенным. Если Временное правительство согласится признать себя низложенным, то они гарантируют ему безопасность. Никитин ответил, что правительство не считает себя в праве уйти» [2].

---

[1] Заседание городской думы 25 октября. «Известия Московского Совета рабочих депутатов» № 197, 26 октября 1917 г.

[2] Там же.

При этих словах все, кроме большевиков и объединенцев, разразились аплодисментами. У растерявшихся депутатов мелькнул луч надежды, но быстро исчез. Руднев перешел к положению в Москве. Телеграф занят 56-м полком. Происходит ряд захватнических актов. Все они производятся от имени Совета, но на деле этим руководит Московский комитет большевиков.

«Московская городская дума, — закончил Руднев, — может быть, и не располагает физической силой, но она есть единственная верховная власть в городе и не может дать санкции тому, что сейчас происходит в Петрограде. Кроме того, на ней лежит конкретная задача — охрана безопасности населения столицы, перед которым она ответственна» [1].

Руднев предложил создать при городском управлении объединенный орган — «комитет общественной безопасности» — якобы для охраны населения.

Конец доклада был заслушан молча. Никто не хотел брать слова. Кадет Щепкин, впоследствии руководитель одного из крупнейших заговоров против советской власти, пригласил думу выслушать прежде всего «...виновников наступивших в стране грозных событий, сидящих здесь на левых скамьях» [2].

С ответом выступил И. И. Скворцов-Степанов, старый большевик. Его спокойный, твердый голос был слышен во всех углах зала.

«Когда происходило Московское государственное совещание, — говорил он, — профессиональные союзы решили откликнуться на это демонстрацией. Тогда городской голова оспаривал право рабочих на демонстрацию и называл это анархическим выступлением меньшинства. Прошло полтора месяца, и анархическое меньшинство оказалось большинством. Выборы в районные думы это ясно доказали. От чьего имени говорит городской голова? От имени тех, которые выбирали 25 июня, но не от имени теперешнего большинства. Теперь вы меньшинство» [3].

---

[1] Заседание городской думы 25 октября. «Известия Московского Совета рабочих депутатов» № 197, 26 октября 1917 г.

[2] Вознесенский А. Н. Москва в 1917 году. Москва — Ленинград. Госиздат, 1928 г., стр. 151.

[3] Заседание городской думы 25 октября. «Известия Московского Совета рабочих депутатов» № 197, 26 октября 1917 г.

Публика на хорах и большевики в зале встретили это заявление взрывом аплодисментов. Кадеты что-то возмущенно кричали. Эсеры молчаливо переглядывались.

«Дума, — продолжал Степанов, резко повышая голос, — не представляет сейчас населения. Во имя будущего страны мы говорим смело и решительно. Власть захватывает не ничтожное меньшинство, а представители большинства страны. Это показывают и факты: заняты телеграф, Смольный институт, вокзалы, Государственный банк и целый ряд учреждений, и этому противится только несколько десятков человек. Это значит, что народ не с Временным правительством. Это Временное правительство не волей народа, а помазанники милостью Родзянко. Принимайте свою резолюцию. Мы не будем участвовать в ее голосовании. Но помните ответственность, которую берете на себя» [1].

Речь Скворцова-Степанова вызвала растерянные возражения со стороны социал-соглашателей. Представитель эсеров заявил, что «все крестьянство против выступления», что «большевики не имеют большинства в Совете солдатских депутатов», что «Советы рабочих депутатов — не весь пролетариат...»

От второй по численности фракции городской думы — кадетов — выступил Астров. Он требовал безоговорочной поддержки Временного правительства. Сам сторонник монархии, вместе с Милюковым хлопотавший о сохранении самодержавия Романовых, теперь он сравнивал захват власти Советами с... возвращением к монархии.

Меньшевики в длинных, путаных речах обвиняли Совет рабочих депутатов в неправильном и ложном шаге. Они обещали отстаивать тот орган, куда войдут все представители демократических организаций. Но если он выступит с репрессиями против рабочих, они выйдут из него.

На этом совещании меньшевики представляли крайнюю степень растерянности и распада. Одни из них говорили, что выступят против Временного правительства, если оно начнет применять расстрелы. Другие требовали, как и кадеты, полной поддержки Временного правительства, хотя бы для этого пришлось покинуть фракцию меньшевиков.

---

[1] Заседание городской думы 25 октября. «Известия Московского Совета рабочих депутатов» № 197, 26 октября 1917 г.

Долго тянулись тусклые речи. Фракции сваливали друг на друга вину, а под шум этих взаимных упреков большевики поднимались с мест и покидали думу: они спешили в районы, где их ждала срочная работа.

Уход большевиков показал оставшимся, что время ими тратится зря. Прения прекратились. К полуночи приняли, наконец, длинную резолюцию с призывом сплотиться вокруг городской думы и дать отпор большевикам.

По предложению Руднева при думе был создан «комитет общественной безопасности» в составе представителей думы, московского уездного земства, Исполнительных комитетов Советов солдатских депутатов и крестьянских депутатов, в которых имелось эсеро-меньшевистское большинство, штаба округа, почтово-телеграфного и железнодорожного союзов.

Меньшевики вошли и в состав «комитета общественной безопасности» и в состав Военно-революционного комитета.

Эсеры не вошли в состав Военно-революционного комитета, а поддержали полностью «комитет общественной безопасности». Вот разгадка их отказа от голосования и ухода с объединенного заседания Советов: они спешили в контрреволюционную думу.

Тотчас после своего образования «комитет общественной безопасности» обратился с призывом ко всем городским думам России поддержать Временное правительство и организовать на местах думские комитеты.

Главный комитет Союза городов, председателем которого был Руднев, телеграммой предложил всем городским и земским самоуправлениям немедленно избрать делегатов, которые по первому призыву должны съехаться для организации и поддержки Учредительного собрания.

Цель призыва — противопоставить съезд городских и земских самоуправлений II съезду Советов.

«Комитет» немедленно приступил к работе. Юнкера по приказу полковника Рябцева заняли думу и Манеж. Они хотели было проникнуть в Кремль, но солдаты, охранявшие его, отказались их пропустить.

В то время как в городской думе создавался орган контрреволюции, в полночь 25 октября открылось заседание Военно-революционного комитета. Меньшевики попытались затруднить работу длинными, бесплодными разговорами. Юнкера Рябцева уже проходили по улицам вооруженными отрядами, нужны были срочные меры. Требо-

зались энергичные действия, а меньшевики в это время предлагали прежде всего пополнить Военно-революционный комитет представителями других учреждений. Военно-революционный комитет отверг предложение меньшевиков. Он послал в Государственный банк, на Неглинном, караул из 56-го пехотного полка. Занятие вокзалов было поручено железнодорожным военно-революционным комитетам. Всем районам было отдано по телефону распоряжение:

«Собраться избрать революционный центр в районе, определить, что занимать в районе (здания, помещения и т. д.), немедленно вооружаться (занимать склады оружия), связаться с революционным центром в Совете и партии» [1].

На охрану Московского Совета вызвали роту самокатчиков. Военно-революционный комитет, согласно указаниям Партийного центра, послал солдат закрыть буржуазные газеты: «Русское слово», «Утро России», «Русские ведомости» и «Раннее утро».

К 4 часам утра все типографии этих газет были опечатаны.

По гарнизону был разослан приказ, в котором сообщалось о восстании в Петрограде и необходимости поддержать его. Военно-революционный комитет объявлял:

«1) Весь московский гарнизон немедленно должен быть приведен в боевую готовность. Каждая воинская часть должна быть готова выступить по первому приказанию Военно-революционного комитета.

2) Никакие приказы и распоряжения, не исходящие от Военно-революционного комитета или не скрепленные его подписью, исполнению не подлежат» [2].

Этого было явно недостаточно: нужно было вызвать части к Совету и дать им указание занять Кремль и другие правительственные места. Товарищ Ярославский предлагал немедленно занять Манеж и тем самым обезопасить подступы к Кремлю, но предложение не было принято.

Специально для руководства работой районов была создана комиссия по организации районов. Комиссия предложила всем районным Советам наметить лиц, которые счи-

---

[1] ЦАОР. Фонд № 1, дело № 2, стр. 530.

[2] От Военно-революционного комитета Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. «Известия Московского Совета рабочих депутатов» № 197, 26 октября 1917 г.

тались бы комиссарами Военно-революционного комитета в районах.

Этим комиссарам предлагалось не ждать инструкций, а сейчас же своей властью назначить комиссаров во все воинские части, утвердить комиссаров милиции и почты, организовать с помощью Красной гвардии охрану района.

Военно-революционный комитет работал непрерывно. Звонили из районов со всех концов города, требовали инструкций, спрашивали, нужно ли и куда направлять части. Но ответы получались неопределенные. Чувствовалось, что Военно-революционный комитет не имеет плана восстания, не проявляет необходимой решительности.

Больше всего волновал рабочих вопрос об оружии. Рябцев предусмотрительно отобрал у солдат винтовки. Всю ночь 25 октября приходили в Совет делегаты от полков, от Красной гвардии за оружием. Районы присылали своих комиссаров с заданием: не возвращаться без оружия.

Оружие можно было достать в кремлевском арсенале. Военно-революционный комитет назначил комиссаром Кремля Ем. Ярославского. С почтамта вызвали О. Берзина и утвердили его комиссаром арсенала по выдаче оружия. Комиссарам предложили выехать в Кремль, предупредив, что с утра из районов приедут за оружием.

В Кремле стояли батальон и одна рота (всего пять рот) большевистски настроенного 56-го полка и команда при арсенале.

В Кремле находились также главная квартира командующего войсками полковника Рябцева, штаб украинских формирований, много офицерства. В их распоряжении было два броневика.

Надо было принять какие-либо меры против находившихся в Кремле враждебных сил, а этот вопрос Военно-революционный комитет не решил.

Правда, Военно-революционный комитет совместно с Партийным центром вынес решение об усилении гарнизона Кремля. Выбор пал на 193-й пехотный запасный полк, расквартированный в Хамовниках. Были все основания рассчитывать на его преданность Совету.

Тотчас же, в ночь на 26-е, комиссар Кремля Ем. Ярославский отправился в Хамовники. Ярославский передал приказ Военно-революционного комитета. Дежурные члены полкового комитета тихо, без шума подняли роту. К 5 часам утра рота прибыла в Кремль.

БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ при ЦК ВКП(б)

Берзин явился в арсенал. Солдаты команды проводили его на квартиру начальника арсенала генерал-майора Кайгородова. Склад был открыт. Вооружили роту 193-го полка.

Рано утром 26 октября районные партийные центры и военно-революционные комитеты прежде всего позаботились отправить в Кремль красногвардейцев с требованиями на оружие. Но к арсеналу удалось пройти только трем грузовикам, так как Манеж против Троицких ворот, через которые можно было попасть в Кремль, был занят еще ночью юнкерами. Оказалось, что Рябцев, узнав о вводе роты 193-го пехотного запасного полка, приказал юнкерам оцепить Кремль. Прибывавшие из районов машины были захвачены юнкерами. Три прорвавшиеся в Кремль грузовика, получившие оружие, также были перехвачены юнкерами.

Войска Военно-революционного комитета остались без оружия, районы не получили ни одной винтовки из арсенала.

В районах Москвы настороженно ждали приказа о выступлении. Ночью 25 октября в Замоскворечье состоялось заседание Исполнительного комитета районного Совета. Избрали военно-революционный комитет из пяти товарищей.

Военно-революционный комитет назначил комиссара в качестве уполномоченного Московского военно-революционного комитета.

Утром 26 октября Замоскворецкий военно-революционный комитет занял районную милицию и сместил комиссаров правительства. В Военно-революционный комитет вызвали Красную гвардию. Заняли электростанцию «Общества 1886 года». Это дало возможность охранять Замоскворечье со стороны Москворецкого моста. Кроме того обладание станцией позволяло прекращать освещение в районах, занятых белыми.

Здание Военно-революционного комитета тщательно охраняли на случай нападения белых. Ждали нападения студентов коммерческого института. В районном комитете большевиков установили постоянное дежурство.

В Хамовниках 25 октября вечером в студенческой столовой — проезд Девичьего поля № 6 — собрался пленум районного Совета с активными работниками фабрик и заводов. Настроение у всех было приподнятое, боевое. Докладчики с мест сообщали, что массы готовы к восстанию. На этом же собрании поздно ночью избрали военно-рево-

люционный комитет. Он приступил прежде всего к учету оружия. Налицо оказалось: пятнадцать старых винтовок в районном комитете большевиков, с десяток — на фабриках да несколько револьверов. Все это — на сотню красногвардейцев. Были в запасе еще ручные гранаты, изготовленные тайком рабочими фабрики «Каучук». Обратились тогда в 193-й полк, но оказалось, что там почти все оружие отобрано Рябцевым. Удалось получить в «штрафной» роте десяток винтовок и сотни две патронов. По распоряжению военно-революционного комитета на заводах организовали охрану. При студенческой столовой организовали санитарный пункт.

Утром 26 октября Сущевско-Марьинский совет вызвал десятка два красногвардейцев военно-артиллерийского завода. Все утро в Совет приходили с фабрик и заводов узнать о новостях. После полудня открылось экстренное совещание Совета, на котором избрали военно-революционный комитет.

На Пресне революционный комитет образовался 25 октября, в Сокольническом районе — в ту же ночь, в Железнодорожном — 25 октября. В других районах — 25 и 26 октября.

По районам было организовано изъятие оружия. Бывали случаи, когда красногвардейцы с винтовками без патронов обезоруживали хорошо вооруженных офицеров и юнкеров.

Однако только после занятия комиссариатов милиции районы смогли широко провести конфискацию оружия не только на улицах Москвы, но и по квартирам офицеров и буржуазии. Повсеместный захват комиссариатов произошел 26 октября почти без сопротивления: дело свелось к смещению старых комиссаров и назначению новых.

Незанятым осталось управление милиции города Москвы. Впоследствии, при наступлении юнкеров на Московский Совет, оно послужило для них одним из важнейших опорных пунктов.

Московский комитет партии большевиков 26 октября выпустил воззвание к рабочим и солдатам с призывом перейти в наступление.

Но в 4 часа дня того же 26 октября районными военно-революционными комитетами была получена телефонограмма из Московского военно-революционного комитета, предлагающая воздержаться от наступательных действий. Все терялись в догадках, что случилось.

2

ПЕРЕГОВОРЫ С БЕЛЫМИ

А произошло следующее. Мероприятия московских большевиков застали полковника Рябцева врасплох, как ни тщательно собирал он силы. Телеграф захватили революционные войска. В Кремле находились большевистские части. 25 октября Исполнительный комитет Совета солдатских депутатов — а он находился в руках эсеров — срочной телефонограммой предложил всем войскам воздержаться от выступлений без призыва Совета солдатских депутатов.

Но части гарнизона выходили по вызову Военно-революционного комитета. 26 октября Рябцев отдал приказ:

> «Не поднимать никакой гражданской войны, стоять твердо на страже безопасности и порядка, во всех частях и во всех гарнизонах принять все меры к охране национальных ценностей» [1].

А части и гарнизоны избирали свои военно-революционные комитеты. Из городов области в штаб поступали неутешительные сведения. Ставка обещала прислать подкрепления только к 30 октября. Туда послали специального депутата ускорить присылку. Артиллерии у Рябцева не было вовсе. Оставалась одна надежда: оттянуть схватку, выиграть время. Непредвиденное обстоятельство помогло Рябцеву. Утром 26 октября, узнав, что юнкера задерживают грузовики, присланные за оружием в Кремль, Военно-революционный комитет заявил по телефону протест Рябцеву. Полковник, притворившись удивленным, предложил прислать к нему делегатов для переговоров. Отправился председатель Московского Совета рабочих депутатов Ногин. Он только что приехал из Петрограда. Вместе с ним пошел и представитель Военно-революционного комитета Муралов, видный троцкист. Он был противником восстания и надеялся избежать его путем соглашения с белыми.

Рябцев заявил пришедшим, что он не желает итти против воли демократии, причем объяснил, что

---

[1] ЦВИА. Связка 14, лист 1395. Приказ № 1481.

«под волей демократии он подразумевает решения, вынесенные социал-демократами, большевиками и меньшевиками, социалистами-революционерами и партией трудовиков» [1].

Командующий округом намекал на проект резолюции, принятый 25 октября собранием представителей бюро всех фракций Совета.

В результате переговоров, по сообщению Ногина,

«...пришли к выводу, что все действия, которые были произведены обеими сторонами, должны быть ликвидированы. Юнкера будут уведены, а Военно-революционный комитет отведет свои части из Кремля (т. е. роту 193-го полка. — *Ред.*). Представители Военно-революционного комитета должны послать своего представителя в Ставку.

По вопросу о вооружении рабочих Рябцев просил приехать представителя Военно-революционного комитета, чтобы совместно выработать норму вооружения» [2].

Так удалось Рябцеву видимостью уступок выиграть время. В действительности Рябцев и не думал об уступках. В два часа дня 26 октября в городской думе собралось заседание «комитета общественной безопасности». Собрание было закрытым. На него не допустили даже представителей Временного правительства — губернского комиссара и его заместителя. Оба они нервно прохаживались по коридору мимо дверей комнаты, где шло заседание. Временное правительство настолько пало в глазах у всех, что «комитет общественной безопасности» не хотел себя компрометировать связью с правительством.

Слово было предоставлено Рябцеву. Полковник рассказал о переговорах с Военно-революционным комитетом. Подчеркнул, что гарнизон Москвы разложен. Уверенности в решительной победе полковник не высказал.

Руднев предложил без прений решить один вопрос: вступать ли в борьбу с Военно-революционным комитетом. Рябцева снова спросили, надеется ли он на победу. Тот не без колебаний ответил утвердительно, добавив, что

---

[1] Соединенное заседание Исполнительных комитетов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 26 октября. «Известия Московского Совета рабочих депутатов» № 198, 27 октября 1917 г.

[2] Там же.

рассчитывает на помощь Ставки. Все собравшиеся голосовали за переход к военным действиям. Рябцев снова заявил, что он исполнит свой долг, «борьба будет трудна, но он надеется на победу» [1].

Таким образом, к 5 часам вечера 26 октября Рябцев получил санкцию «комитета общественной безопасности» на открытие боевых действий. Выбор срока наступления целиком предоставлялся Рябцеву. Он покинул заседание.

Аппетит, однако, приходит во время еды. Убедившись, что представители Военно-революционного комитета проявляют нерешительность, Рябцев, в руках которого было согласие «комитета общественной безопасности» на решительные действия, предъявил новые требования к восставшим. Он потребовал не только увода роты 193-го полка, но и замены юнкерами солдат 56-го полка, которые несли караул в Кремле.

На все убеждения оставить охрану Кремля в руках 56-го полка Рябцев сказал, что он будет стоять на своем, а окончательный ответ сообщит по телефону в Московский Совет.

Вечером 26 октября в Кремль снова прибыл Муралов. После нового разговора с Рябцевым Муралов согласился вывести роту 193-го полка из Кремля при условии увода юнкеров.

Солдаты 56-го полка, узнав о требовании Рябцева, пришли в необычайное волнение. Они готовы были расправиться с Рябцевым. Многие требовали его ареста.

Делегаты Военно-революционного комитета уехали из Кремля.

Ем. Ярославский был отозван из Кремля и получил распоряжение Военно-революционного комитета развернуть работу Военного бюро в частях гарнизона, чтобы не позволить противнику овладеть ими, и подготовить весь гарнизон к участию в боях.

26-го вечером состоялось экстренное заседание Московского и окружного комитетов и областного бюро партии большевиков, вызванное резким расхождением между членами Военно-революционного комитета и Партийного цент-

---

[1] Вознесенский А. Н. Москва в 1917 году. Москва — Ленинград, Госиздат, 1928 г., стр. 161.

ра по поводу переговоров с Рябцевым. Заседание вынесло категорическое постановление о прекращении всяких переговоров и дало наказ боевым центрам начать решительные действия. 26-го вечером переговоры прекратились.

В 7 часов вечера 26 октября открылось заседание исполнительных комитетов обоих Советов. Ногин доложил о событиях в Петрограде. Информация его сводилась к тому, что Петроградский военно-революционный комитет был создан «в составе всех фракций». Эта информация Ногина могла создать впечатление, будто занятая им в переговорах с Рябцевым позиция соответствовала ходу событий в Петрограде. Между тем к моменту Октябрьского переворота представители соглашательских партий вышли из состава Петроградского военно-революционного комитета.

Вся речь Ногина была выдержана в примиренческом тоне. Едва Ногин кончил свою речь, как стали выступать те, которых он призывал к совместной борьбе с контрреволюцией. Эсеры зачитали воззвание старого Центрального исполнительного комитета, объявившего II Всероссийский съезд Советов незаконным. Они огласили телеграммы Совета крестьянских депутатов, угрожавшего большевикам вызовом войск с фронта.

В этот момент в зале появились делегаты полков гарнизона. Еще вчера, 26 октября, Партийный центр поручил Военному бюро организовать новый временный Совет солдатских депутатов, ибо старый послал своих представителей в контрреволюционный «комитет общественной безопасности». Вечером 26 октября Военное бюро созвало гарнизонное собрание ротных комитетов. Незадолго до того по специальному указанию Свердлова, присланному Ем. Ярославскому, они были переизбраны и почти все находились под большевистским влиянием. Гарнизонное собрание 212 голосами против одного при 23 воздержавшихся постановило:

> «Ротные комитеты признают единственной властью Советы рабочих и солдатских депутатов. Ротные комитеты будут подчиняться только распоряжениям Военно-революционного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов и требуют слияния Советов и перевыборов в кратчайший срок Совета рабочих и солдатских депутатов»[1].

[1] Последний час. «Социал-демократ» № 194, 27 октября 1917 г.

Ротные комитеты постановили послать делегации в Военно-революционный комитет и к полковнику Рябцеву. От последнего потребовать увода юнкеров из-под Кремля и освобождения осажденных солдат 56-го полка. В случае отказа

> «революционный комитет должен принять самые решительные меры для освобождения арсенала и 56-го полка. Рабочие и солдаты должны быть немедленно вооружены» [1].

Гарнизон, таким образом, полностью поддержал большевиков. Но это успешное завоевание гарнизона не было использовано большевиками. Ошибкой было уже то, что колеблющиеся в вопросе о восстании, оппортунистически настроенные члены партии не были отстранены.

Сразу после избрания делегация гарнизонного собрания ротных комитетов явилась на заседание исполнительных комитетов, где Ногин делал свое сообщение. Солдаты выступали с требованием передать власть Советам. Представители полков протестовали против поведения эсеро-меньшевистского Исполнительного комитета Совета солдатских депутатов.

Ногин побеседовал с солдатской делегацией. Он сообщил, что почти достигнуто соглашение с Рябцевым. Солдатская делегация уже ночью прямо из Совета отправилась к Рябцеву. Ее долго продержали в Манеже, издеваясь и угрожая. Один из старших офицеров отдал приказ казакам: пропустить делегатов через строй, то есть высечь нагайками, но казаки не подчинились и пропустили делегацию к Рябцеву. Сообщив полковнику постановление гарнизонного собрания, делегация возвратилась в Совет.

В общем, итоги дня 26 октября оказались в пользу Рябцева — время решительной схватки ему удалось оттянуть. Но помощи контрреволюция все же не получила. Напротив, гарнизон Москвы явно оказался на стороне большевиков. Рабочие и солдаты были за восстание, за власть Советов.

Этого добилась московская организация большевиков.

---

[1] Последний час. «Социал-демократ» № 194, 27 октября 1917 г.

3

УЛЬТИМАТУМ БЕЛЫХ

Утром 27 октября возобновилась борьба внутри большевистских руководящих органов Москвы. Работники, не согласные с решением Московского комитета, областного бюро и окружного комитета о прекращении переговоров, потребовали его пересмотра. Было созвано совместное заседание наличных членов Партийного центра и большевистской части Военно-революционного комитета. На заседании боролись две точки зрения. Одни требовали прекратить переговоры с Рябцевым и начать решительное наступление. Другие настаивали на мирном соглашении, чтобы выиграть время для организации сил.

Партийный боевой центр, наделенный диктаторскими полномочиями, не воспользовался своими правами, допустил дискуссию в момент, когда требовалась особая решительность. Некоторые члены Партийного центра сами надеялись переговорами предупредить восстание.

Большинством голосов — девяти против пяти — было решено вступить вновь в переговоры с Рябцевым.

Мотивы, которыми руководилось большинство при этом голосовании, сводились к тому, что у восставших нет оружия и что путем переговоров надо выиграть время.

«В самый решительный момент, когда Военно-революционный комитет уже организовался, он остался без всяких реальных сил, — докладывал позже, 7 ноября, на Исполнительном комитете Советов Усиевич, председатель Военно-революционного комитета. — Когда он отправился на заседание Советов в 12 часов ночи (на 26 октября. — *Ред.*) в генерал-губернаторский дом, то в его руках была небольшая команда самокатчиков, другой реальной вооруженной силы у него не было. Ясно, что в первый момент для нас необходимо было приложить все усилия, чтобы не дать взять Советы и Военно-революционный комитет врасплох. Мы знали, что юнкера мобилизуются, и, для того чтобы они пошли против Советов, достаточно было приказа их штаба, а нам нужно было еще собрать силы. Мы знали, что хотя за нами громадное большинство московского гарнизона, что хотя за нас стало громадное большинство рабочих,

но это большинство было почти безоружно. Три четверти московского гарнизона не имели оружия. Красная гвардия была в зачаточном состоянии. Поэтому первые действия, которые были предприняты Военно-революционным комитетом, — это вооружение солдат и рабочих»[1].

В районах переговоры с юнкерами вызывали недоумение, а порой и прямое возмущение. Всюду лихорадочно создавали отряды Красной гвардии, готовили продовольствие. На заводах и фабриках рабочие поднимались на восстание. Районные Советы кишели, как муравейники. И вдруг известие о переговорах!

Когда в Замоскворецком районном комитете было доложено о переговорах, присутствующие не хотели верить. Началось собрание. Выступили рабочие. Они говорили, что в городе готовится мятеж, во всех казармах офицеры ведут контрреволюционную агитацию. Юнкеров ротами отправляют в центр, а студентам раздают оружие.

Собрание в районном комитете решило протестовать против переговоров. В Военно-революционный комитет послали делегатов, для того чтобы настаивать на более решительных действиях.

Одновременно направили делегацию по полкам, стоявшим в районе, выяснить их настроение. Солдаты встретили делегатов восторженно. В 55-м полку делегата подняли на руки и носили по ротам. Все обещали поддержать выступление. Такую же встречу оказали делегатам в 196-й дружине.

То же происходило и в других районах. Офицеры исчезли из полков. Они ушли к Рябцеву. Солдаты без командиров шли к Совету. Со всех концов города тянулись отряды солдат.

— Куда? — тревожно спрашивали обыватели.

— К Совету! — отвечали солдаты, шедшие часто без оружия.

Здание Совета было переполнено. В комнатах, коридорах, во дворах — всюду толпились солдаты, а на площади появлялись все новые группы.

Меньшевики в своей газете «Вперед» писали, что караульные в Совете пьяны. На следующий день меньшевики

---

[1] ЦАОР. Дело копий. 1917, том II.

вынуждены были принести извинения и напечатать опровержение [1].

На площади перед Советом соглашатели, пользуясь скоплением солдат, устраивали летучие митинги. Уговаривали разойтись, вели среди них контрреволюционную агитацию. Военно-революционному комитету пришлось запретить эти митинги.

Под давлением районов Военно-революционный комитет в свою очередь старался использовать переговоры для собирания сил. Развернулась кипучая деятельность. Утром состоялось заседание, принявшее ряд необходимых мер. В остальное время постоянно дежурили члены комитета, принимавшие донесения. Рядом в комнате работал штаб Военно-революционного комитета. Приходили комиссары из районов. Докладывали о работе, получали указания. По ряду вопросов тут же устраивались короткие совещания. Военно-революционный комитет устанавливал связи с воинскими частями. Прикреплял к полкам политических организаторов, «попечителей», как их называли на заседании комитета. Была разработана инструкция районным военным комиссарам. В их подчинение передали милицию и Красную гвардию.

Много внимания было уделено организации продовольственного дела, чтобы не оставить население огромного города без хлеба. Были назначены продовольственные комиссары при районных Советах. В целях борьбы с пьянством Военно-революционный комитет решил конфисковать запасы спирта. Патрули получили приказ обходить ночные чайные, в случае торговли спиртом владельцев арестовывать.

При штабе Военно-революционного комитета был создан стол разведки. Разведчики из солдат и красногвардейцев проникали в думу, в район скопления юнкеров, собирали необходимые сведения. Много было добровольных разведчиков, доставлявших сообщения о передвижении войск, о настроении в лагере противника. Военно-революционный комитет мобилизовал транспорт, реквизировал много автомобилей. Рабочие завода АМО предоставили пятьдесят машин, 2-я и 22-я автомобильные роты отдали себя в распоряжение Военно-революционного комитета.

---

[1] «Настроение в Москве...», «Вперед» (Москва) № 194, 28 октября 1917 г.

Эсеры и меньшевики распространяли по Москве клеветнические слухи. Газеты соглашателей лгали о ликвидации восстания в Петрограде.

Связи с Петроградом не было. Решено было связаться со столицей через Викжель. Там ответили, что они сохраняют «нейтралитет» и потому не позволяют разговаривать с Петроградом, но сами могут вызвать кого-нибудь к телефону и спросить, что нужно. Однако на вопросы, каково военное положение в столице, следовал все тот же ответ: «нейтралитет» не позволяет отвечать. Удалось только выяснить состав Совета Народных Комиссаров.

После напрасных попыток обойти «нейтралитет»—кстати, он не помешал представителю Викжеля сидеть два дня в «комитете общественной безопасности» — было решено занять силой комнату Викжеля, где стоял телефон. Оказалось, что прямой провод Викжеля из Петрограда идет через телефонную станцию Северной дороги. Там в главном дорожном комитете руководят большевики. Через некоторое время уже разговаривали с Петроградом. Так была установлена телефонная и телеграфная связь Военно-революционного комитета с Петроградом.

Большевики перехватывали телеграммы Викжеля. Из одной телеграммы узнали, что в Ярославле на пристани «Кавказ и Меркурий» лежат винтовки. Железнодорожный военно-революционный комитет предупредил Партийный центр. Тот немедленно командировал представителя в Ярославль.

Военно-революционный комитет утвердил общий план боевых действий революционной армии:

«1. Все военные действия направляются к одному центру.

2. Роль районов заключается в планомерном стягивании к центру своих военных сил. Сепаратные операции предусматриваются, поскольку они не нарушают общего плана.

3. Не упускать из виду, что тыл для районов небезопасен и что может явиться возможность операций революционной армии вне Москвы.

4. Действовать решительно и энергично»[1].

---

[1] МАОР. Фонд Московского военно-революционного комитета. Дело № 495/163, лист I.

Военно-революционный комитет утвердил этот план, но по настоянию скрытых противников восстания и колеблющихся было сделано следующее дополнение к плану:

«5. Наивозможно меньшее пролитие крови.

6. Охрана безопасности населения» [1].

В течение дня Военно-революционный комитет добился еще одного успеха: были переизбраны все комитеты 1-й запасной артиллерийской бригады. На совместном собрании бригадного, батарейных и командных комитетов было решено подчиняться только Военно-революционному комитету. Тут же на собрании артиллеристы избрали свой военно-революционный комитет, который стал фактическим хозяином бригады.

Артиллеристы Москвы остались с большевиками.

Меньшевики, члены Военно-революционного комитета, знали о подготовке Рябцевым выступления. Они ультимативно предложили принять следующие условия совместной работы:

1) Подпись всех семи членов Военно-революционного комитета на всех бумагах. При подписи одним-двумя членами меньшевики оставляют за собой право обратиться к населению при помощи газет и листовок;

2) послать от Совета рабочих депутатов представителя в «комитет спасения» при городской думе;

3) выполнение всех соглашений, достигнутых в переговорах со штабом округа.

Меньшевики полагали расстроить работу Военно-революционного комитета, заставить его пойти на уступки. Выступление лакеев буржуазии целиком отвечало интересам контрреволюционного «комитета общественного спасения».

Предложение меньшевиков было отвергнуто, и они вышли из состава Военно-революционного комитета.

Тем временем контрреволюционный «комитет общественной безопасности» тоже не дремал. Рябцев вызвал к себе командиров частей. Он пытался вызвать какую-нибудь боевую единицу из окрестностей Москвы или из области. Но командиры приходили и на вопрос: — «А солдаты?» — безнадежно махали рукой:

— Там! У Совета.

---

[1] МАОР. Фонд Московского военно-революционного комитета. Дело № 495/163, лист 1.

Рябцев лихорадочно метался по школам прапорщиков, юнкерским училищам. Юнкера активно готовились. Уже второй день они разъезжали, вооруженные, по городу на грузовиках.

Еще 26 октября Рябцев обратился к студентам с призывом немедленно явиться в Александровское военное училище. По инициативе кадетов студенты стали записываться в дружины. 27 октября в богословской аудитории собрались все факультеты Московского университета. Заслушали доклады Лазаревского и Коммерческого институтов. Без прений, даже не голосуя, приняли резолюцию о вооруженной поддержке штаба округа, городской думы и Временного правительства.

Совет офицерских депутатов еще утром 27 октября организовал собрание офицеров, сторонников Временного правительства, и разработал подробный план разгрома Советов и разоружения революционных частей. Об этом тайно сообщили штабу Военно-революционного комитета два офицера лекторских курсов, организованных летом 1917 года культурно-просветительным отделом Совета солдатских депутатов. Но больше всего надежд возлагали белые на Ставку. Из Москвы с ней разговаривали несколько раз. Утром 27 октября с фронта пришла телеграмма:

«От имени армий фронта мы требуем немедленного прекращения насильственных большевистских действий, отказа от вооруженного захвата власти, безусловного подчинения действующему в полном согласии с полномочными органами демократии Временному правительству, единственно могущему довести страну до Учредительного Собрания — хозяина земли русской. Действующая армия силой поддержит это требование.

Начальник штаба
верховного главнокомандующего *Духонин*
Помощник начальника штаба верховного
главнокомандующего *Вырубов*
Временно исполняющий должность
верховного комиссара при Ставке подполковник *Ковалевский*
Председатель армейского комитета *Перекрестов*»[1]

[1] Ставка и Московский комитет общественной безопасности в 1917 г. «Красный архив», 1933 г., том 6 (61), стр. 29.

Кроме угроз, ничего реального в телеграмме не было. Правда, Духонина поддержал своим авторитетом соглашательский армейский комитет.

Вслед за этим главнокомандующий Западного фронта генерал Балуев срочно телеграфировал Рудневу:

«На помощь против большевиков в Москву двигается кавалерия. Испрашиваю разрешения Ставки выслать артиллерию»[1].

Балуев в тот же день сообщил Духонину, что положение в Москве тяжелое; своими силами не надеются побороть выступление большевиков; очень просят прислать войска и, главное, артиллерию.

Духонину стало ясно, что положение становится угрожающим. Он изменил маршруты частей, двигавшихся в Тулу, Брянск, Орел, добавил артиллерию и все послал в Москву.

Днем 27 октября прибыла, наконец, телеграмма Рябцеву, в копии Рудневу:

«Для подавления большевистского движения Ставкой посылается в ваше распоряжение гвардейская бригада с артиллерией с Юго-западного фронта — начнет прибывать в Москву 30 октября — и с Западного фронта — артиллерия с прикрытием. Необходимо, чтобы части до прибытия в Москву были встречены вашими делегатами. Необходимы решительные действия совокупными силами для полного подавления мятежников, поднявших смуту в сердце России.

Начальник штаба
верховного главнокомандующего
Духонин»[2]

Рябцев понял, что времени терять нельзя. Большевики все усиливались. Артиллерия с Западного фронта, если ей не помешают — об этом пока еще не думали, — должна прибыть не позже 28 октября. К тому же штаб округа надеялся, что переговоры и разлагающая работа эсеро-меньшевиков внесли неустойчивость в ряды революционных войск.

Рябцев резко изменил позицию. Еще вчера он соглашался договориться о вооружении рабочих. Под этим пред-

---

[1] Ставка и Московский комитет общественной безопасности в 1917 г. «Красный архив», 1933 г., том 6 (61), стр. 30.

[2] Там же.

логом он добился вывода из Кремля большевистской роты 193-го запасного пехотного полка. Потом он категорически потребовал вывода из Кремля и большевистски настроенного 56-го пехотного запасного полка. 27 октября все переговоры велись вокруг вопроса о замене солдат юнкерами. Сейчас, в 7 часов вечера, 27 октября, Рябцев оборвал переговоры с представителями Военно-революционного комитета и предъявил ультиматум о сдаче Кремля, роспуске и предании суду Военно-революционного комитета. Срок ультиматума — пятнадцать минут.

Ультиматум подействовал, как ушат холодной воды. Надежды на мирный исход конфликта исчезли, как дым. Военно-революционный комитет убедился, что Рябцев явно тянул с переговорами, чтобы выиграть время. Ультиматум отвергли. Немедленно стали приводить в действие все меры, намеченные на случай вооруженной борьбы. Районным комиссарам города Москвы разослали приказ быть в полной боевой готовности, немедленно выслать к Совету отряды.

Воинским частям разослали телефонограмму с требованием выполнять только распоряжения Военно-революционного комитета.

Для защиты Совета Военно-революционный комитет вызвал из Замоскворечья отряд «двинцев».

«Двинцами» в Москве называли солдат Западного фронта, главным образом из V армии. Они были арестованы в разных частях на фронте по обвинению в большевистской агитации и посажены в тюрьму города Двинска, — отсюда их название. Позже их перевели в Москву, в Бутырскую тюрьму. Среди «двинцев» было много членов ротных и полковых комитетов.

«Двинцы» долго сидели без суда, даже без конкретных обвинений. 200 заключенных «двинцев» объявили голодовку, требуя немедленного разбора их дела. Военно-судебные власти находились в большом затруднении и заявили, что документы по делам арестованных «двинцев» якобы утеряны. Большевики подняли кампанию за освобождение арестованных. Солдаты московского гарнизона дружно требовали выпустить «двинцев».

В Московский Совет и Военное бюро приходили делегации с резолюциями. Солдаты не только требовали освобождения «двинцев», но упрекали Совет в медлительности и нерешительности. «Довольно слов, пора перейти к де-

лу», — требовали солдаты, выражая свою готовность к борьбе.

По требованию московской организации большевиков и настоянию большевистской фракции Московского Совета «двинцы» во второй половине сентября были освобождены из Бутырской тюрьмы.

«Двинцы» рвались в бой; они оказались прекрасными агитаторами и организаторами. Московский комитет большевиков поручал им проведение митингов не только в войсковых частях, но и на фабриках и заводах.

Когда в 10 часов вечера 27 октября вызванный Военно-революционным комитетом к Совету отряд «двинцев» проходил по Красной площади, их остановили юнкера.

— Куда вы? — спросил какой-то полковник.

— На охрану Московского Совета.

— Мы охраняем центр, — ответил полковник и приказал «двинцам» сдать оружие.

Солдаты запротестовали. Полковник выхватил револьвер и уложил на месте командира «двинцев» Сапунова. Помощник убитого успел крикнуть: «В цепь!» Сражение было непродолжительным. Раненые и убитые были с обеих сторон, но «двинцы» пробились к Совету, захватив с собой всех раненых.

Открытые военные действия начались.

В момент получения ультиматума происходило собрание районных дум. Там должно было собраться несколько сот активных большевиков. Военно-революционный комитет поспешил их предупредить об ультиматуме.

Все 17 районных дум, из которых 11 были большевистскими, собрались в 6 часов 30 минут в Сухаревском народном доме. Большевики решили избрать новый центр из районных дум, чтобы противопоставить его контрреволюционной центральной городской думе. Собралось около 400 человек. Едва открылось совещание, как один из гласных, князь Д. И. Шаховской, кадет, заявил, что «мер к оповещению всех гласных принято не было» и собрание, по его мнению, «подобрано»[1]. Поднялся шум. Шаховского заставили взять свои слова обратно. Председатель собрания, прерываемый все время криками протеста со стороны

[1] Шлихтер. А. Памятные дни в Москве. «Пролетарская революция», 1922 г., № 10, стр. 194.

кадетов и соглашателей, рассказал, зачем собрано совещание, и огласил конкретные предложения:

«1. Выразить полное доверие Московскому военно-революционному комитету, как единственному местному органу правительства.

2. Немедленно организовать межрайонный совет районных дум по два гласных от каждой думы и по одному от управы.

3 Совет избирает из своей среды исполнительное хозяйственно-революционное бюро из семи лиц.

4. Вменить в обязанность бюро немедленно выработать проект мероприятий по вопросам продовольственного распределения и снабжения, городских финансов и охране революционного порядка в Москве и окрестностях.

5. Выработанный проект по одобрении его межрайонным советом представить в Московский военно-революционный комитет для немедленного проведения его в жизнь» [1].

Предложение голосовать этот проект без прений вызвало новый взрыв криков. Кто-то требовал слова, другие бурно протестовали. Вдруг на эстраде появился член Военно-революционного комитета М. Ф. Владимирский с внеочередным заявлением:

«Командующий войсками Рябцев предъявил Военно-революционному комитету требование распустить себя в течение пятнадцати минут. Комитет выполнить это требование отказался, и площадь уже обстреливается контрреволюционными частями. Комитет предлагает прекратить разговоры и всем социал-демократам-интернационалистам (большевикам) немедленно отправиться на места и быть готовыми к событиям» [2].

Кадеты и соглашатели — меньшая часть собрания — шумно покинули зал. Оставшиеся утвердили резолюцию и бросились в районы.

Ночью 27 октября на совместном совещании членов Военно-революционного комитета и Партийного центра бы-

---

[1] Общее собрание гласных районных дум. «Известия Московского Совета рабочих депутатов» № 199, 28 октября 1917 г.

[2] Шлихтер А. Памятные дни в Москве. «Пролетарская революция», 1922 г., № 10, стр. 197.

ло решено призвать московский пролетариат к всеобщей забастовке и собрать все силы для разгрома белогвардейцев.

Переулки, ведущие к зданию Совета от Большой Никитской, уже были заняты юнкерами. Учитывая опасность захвата Совета белыми, решили разбиться на два центра: один должен был остаться в здании Совета, другой — перейти в один из районов. Между четырьмя и шестью часами утра 28 октября большинство членов Партийного центра перешло из здания Совета в Городской район. В том же районе был создан «запасный штаб» на случай разгрома Военно-революционного комитета.

Нужно было оповестить полки и вызвать верные части к Совету. Члены Военно-революционного комитета разъехались по районам, где ждали только призыва.

Когда сведения об ультиматуме Рябцева разнеслись по Совету, на сцену снова выползли меньшевики, только утром вышедшие из состава Военно-революционного комитета. Политические маклера вновь предложили свое посредничество для переговоров с «комитетом общественного спасения».

Соглашателей удалили из здания Совета.

На месте остались только те, кто был готов победить или умереть за власть Советов.

СДАЧА КРЕМЛЯ

Рябцев тщательно подготовился к наступлению. Москва и весь округ были объявлены на военном положении. Всем гарнизонам округа было приказано подготовить части и по первому требованию Рябцева выслать в Москву.

Всем командирам полков гарнизона Москвы Рябцев по телефону приказал немедленно сформировать отряды и направлять их в Александровское военное училище в распоряжение полковника Кравчука, помощника командующего войсками округа. Туда же были вызваны студенческие дружины и офицеры.

Отряд юнкеров был послан на Ходынку. Ему было дано задание напасть на 1-ю артиллерийскую бригаду и захватить пушки. Если не удастся — испортить их. Во главе отряда шли артиллерийские офицеры.

Поздно ночью 27 октября юнкера, разоружив солдатскую разведку, ворвались во двор 2-го дивизиона. Часть юнкеров стала снимать замки с орудий. Другая группа бросилась в конюшню за лошадьми. Убили дежурного, тяжело ранили дневального. Солдаты заметили юнкеров и открыли огонь. Заслышав выстрелы, из всех казарм и бараков, одеваясь на ходу, с винтовками в руках, выскочили артиллеристы. Юнкера, отстреливаясь, бежали. Они увезли с собой два орудия без снарядов. Несколько пушек успели попортить. Налет белых вызвал среди артиллеристов негодование. Они требовали, чтобы их отправили в город для борьбы с юнкерами. Военно-революционный комитет бригады приказал немедленно готовить заграждения.

К утру вокруг бригады появились наспех сделанные укрепления. Утром 28 октября 5-я батарея потянулась к Совету.

Пока юнкера пытались захватить артиллерию, другие белые отряды стали распространяться по радиусам от Кремля, стремясь захватить как можно больше пространства. Передовые отряды белых появились около Совета. Весь Арбат очутился в руках белых. На протяжении от Крымского моста до Смоленского рынка бродили их патрули. На углу Остоженки юнкера заняли огромный интендантский склад, снабжавший гарнизон продовольствием.

Рябцев послал отряд для захвата Бородинского моста. Перед этим в ночь на 28 октября комиссия по изъятию оружия Дорогомиловского революционного комитета арестовала трех офицеров, отобрала у них оружие и отпустила их, взяв честное слово, что выступать против революции они не станут. Часа через полтора у революционного комитета неожиданно появились белые. Часовой успел предупредить членов революционного комитета. Сопротивляться было поздно. Товарищи потушили свет и в темноте скрылись. Но трое членов революционного комитета попали в плен. Среди них была Ванторина. Ее вернули в здание Совета. Какой-то офицер насмешливо спросил ее:

— Узнаете меня?

Это был один из тех, кто давал честное слово воздержаться от борьбы. Оказалось, что разоруженные офицеры прибежали в 5-ю школу прапорщиков, где готовилась полурота для захвата моста. Офицеры провели юнкеров в революционный комитет.

Бородинский мост тоже попал в руки белых. Это имело огромное значение, так как через Брянский вокзал должно было итти подкрепление белым с Западного фронта.

«Комитет общественной безопасности» одобрил все мероприятия Рябцева. Руднев обратился к полковым и ротным комитетам, призывая их выполнять только распоряжения штаба округа. Одновременно с объявлением Москвы на военном положении Руднев опубликовал воззвание к гражданам. Он обвинял во всем большевиков: они-де отказались вывести солдат из Кремля, они «расхитили» военное имущество — винтовки, пулеметы, патроны; все попытки соглашения с большевистским Военно-революционным комитетом ни к чему не привели.

Все это было явной ложью. Руднев еще сутки тому назад, задолго до срыва переговоров, призвал к активным действиям. Для распространения подобных воззваний при «комитете общественной безопасности» было создано специальное информационное бюро из трех человек: Руднев, меньшевик поручик В. В. Шер, помощник военного министра, прибывший из Петрограда после падения Зимнего дворца, и член Московской городской управы Л. К. Рамзин. Бюро издавало «Бюллетени Московского комитета общественной безопасности». Вышло всего 4 номера. Бюро фабриковало ложные сведения, фантастические сводки, которые полностью перепечатывались эсеровской и меньшевистской прессой.

Руднев, неожиданно для этой незначительной серой фигуры, оказался в самом водовороте событий. Временное правительство пало, поручив ему продолжение борьбы.

В Москву примчался освобожденный из-под ареста бывший министр продовольствия Прокопович. Появились оставшиеся на свободе товарищи министров. Представлены были все министерства, кроме министерства иностранных дел. Отставленные революцией от работы министры просиживали часами в кабинете Руднева.

Руднев вообразил себя спасителем страны. Он носился с идеей восстановления правительства в Москве. В честолюбивых мечтаниях он видел себя чуть ли не во главе всероссийского правительства. 27 октября в 11 часов 45 минут вечера Руднев сообщил в Ставку, что

«двухдневные попытки предотвратить гражданскую войну привели только к усилению позиции большеви-

ков и уменьшили наши шансы. Сегодня комитет общественной безопасности принял решение: опираясь на вооруженную силу, попытаться сломить большевиков. Предъявлен ультиматум в 7 часов вечера»[1].

Настаивая на срочной помощи, ибо борьба будет нелегкой, Руднев продолжал:

«Помимо задачи борьбы с большевиками перед Москвой встала необходимость организовать Временное правительство. Комитет (общественной безопасности. — *Ред.*) предполагает создать немедленно технический аппарат для обслуживания продовольствия и снабжения фронта и страны, обеспечив в ближайшем же будущем возможность демократии выразить свою волю относительно характера будущего правительства путем созыва съезда общественных организаций демократического управления и Советов»[2].

Новый кандидат в Наполеоны понимал, что все зависит от одного: удастся ли подавить большевиков в Москве. Все силы контрреволюции были сосредоточены на взятии Кремля: это отдавало арсенал в руки белых, укрепляя их тыл и развязывая силы для наступления.

Цепь юнкеров, поставленных еще ночью 26 октября вокруг Кремля, раздалась только на короткий период утром 27 октября: надо было выпустить роту 193-го полка. С этой минуты осада не прекращалась: Рябцев нарушил условия, принятые во время переговоров. В самом Кремле был расположен офицерский лазарет, находился окружной суд, некоторые учреждения. В батальоне 56-го полка оставались командиры; многие из них примыкали к эсерам и меньшевикам. Они уговаривали солдат сдаться. Кроме того, в Кремле оказалось два броневика под командой офицеров. Они объявили себя нейтральными. Все это ослабляло гарнизон Кремля. К вечеру 27 октября цепи вокруг Кремля стали плотнее. Подошли новые группы юнкеров. Военно-революционный комитет получил телефонограмму

---

[1] Ставка и Московский комитет общественной безопасности в 1917 г. «Красный архив», 1933 г., том 6 (61), стр. 30—31.

[2] Там же, стр. 31.

от коменданта Кремля еще до разрыва переговоров с Рябцевым:

«Юнкера Александровского училища и школы прапорщиков во что бы то ни стало хотят занять Кремль, вооружаются, офицеры студентов обучают стрельбе. Они хотят, чтобы полковник уехал из Кремля. Расставить полк у ворот, в крайнем случае на...» [1].

На этом телефонограмма обрывалась. Разведка Военно-революционного комитета в свою очередь доносила:

«Дежурный член Кулешов из союза булочников сделал нам заявление: на состоявшемся собрании юнкеров в Александровском военном училище постановлено сегодня ночью занять Кремль и арестовать революционный комитет. Действия начать немедленно» [2].

Военно-революционный комитет собирался было прислать в Кремль пополнение, — говорили даже об артиллерии, — но не успел: Рябцев предъявил ультиматум.

28 октября около 6 часов утра к прапорщику Берзину, оставшемуся во главе революционного гарнизона Кремля, прибежал солдат из команды броневиков, заявив, что его срочно зовут к телефону. Берзин удивился: связь давно прервана, а у команды броневиков аппарат в исправности. Берзин прошел в команду. По дороге увидел два броневика. На каждом — пушка и пулеметы. Моторы работают. Едва Берзин вошел, как офицер команды протянул ему трубку телефона:

— Вас требует командующий войсками.

Рябцев заявил, что восставшие разоружены, в том числе и артиллерийская бригада:

«Требую немедленной сдачи Кремля, — говорил Рябцев. — Весь город в моих руках. Все члены Военно-революционного комитета арестованы. Даю срок 25 минут для сдачи. В случае неисполнения открою артиллерийский огонь».

Вся внешняя обстановка — затишье в городе, отсутствие связи с центром вследствие перерыва телефонных прово-

---

[1] Материалы секретариата главной редакции «Истории гражданской войны». Фонд II тома ИГВ.

[2] Московский военно-революционный комитет. «Красный архив». 1934 г., том 4—5 (65—66), стр. 181.

дов с Советом — заставила Берзина, по его словам, думать, что все сообщенное Рябцевым — правда. Колеблющийся прапорщик, лишь недавно вступивший в партию большевиков, не имея никакого революционного опыта, принял провокационное требование Рябцева без малейшего сопротивления. Сдать крепость, имевшую боеспособный гарнизон и достаточное количество оружия, даже если бы город действительно находился в руках Рябцева, было явным предательством, ударом в спину революционных войск. Предательская добровольная сдача Кремля неизмеримо ухудшила положение революционных войск. Добившись согласия Берзина на сдачу Кремля, Рябцев потребовал: открыть Троицкие и Боровицкие ворота, оставить у ворот пять заложников, снять все посты и караулы, сложить оружие и выстроить 56-й полк у памятника Александру II. Рябцев повторил угрозу — в случае отказа открыть орудийный огонь. На собрании ротных комитетов солдаты выступали против принятия ультиматума.

— Мы Кремля не сдадим, нам все равно погибать, так лучше погибнем с оружием в руках.

Берзин все же убедил солдат сложить оружие. Когда Берзин подошел к заставе у Троицких ворот и заявил, что Кремль приходится сдать, солдат с винтовкой бросился на него:

— А, изменник!

Солдат замахнулся было на прапорщика, но опустил винтовку, потом отбросил ее, схватился за голову и пошел в сторону. За ним понуро поплелись остальные, оставив посты.

Как только Берзин открыл Боровицкие ворота, на него набросились офицеры, сорвали погоны и оружие и избили. Только после его обращения к какому-то генералу с заявлением, что еще не все караулы сняты, Берзина отпустили обратно в Кремль.

Обманом ворвавшись в Кремль, белые зверски расправились с солдатами. Юнкера вывели безоружных солдат на площадь, якобы для проверки, а потом неожиданно открыли стрельбу по выстроенным в две шеренги солдатам.

Юнкера одновременно расстреливали из пулеметов солдат в Кремле в двух местах: солдат 56-го полка — у памятника Александру II и солдат арсенала — во дворе арсенала.

Вот что рассказывает о сдаче Кремля юнкерам солдат 56-го полка:

«Около 7 часов утра 28 октября в казармы 56-го полка в Кремле кто-то вбежал и крикнул, что Троицкие ворота открыты. Солдаты быстро вскочили с нар и увидели, что со всех сторон на площадь около казармы вбегают юнкера и офицеры, за ними тащат пулеметы и направляют их прямо на казарму.

Появился броневик и тоже направил свои пулеметы на солдат. Солдаты растерялись и начали кричать, обвиняя командный состав в предательстве. Сопротивление было невозможно»[1].

Через несколько минут в казарму ворвались юнкера с криком:

— Выходи на улицу все до одного без оружия!

Когда все пять рот собрались на площади, юнкера с криками и площадной руганью построили их поротно, лицом к Чудову монастырю.

Тут же юнкера спешно начали устанавливать пулеметы: один — около царь-пушки, другой — около стены Чудова монастыря, третий — около входа в казарму и четвертый — у стены арсенала.

Кроме этого, окружив солдат, юнкера стали производить тщательный обыск, шаря по карманам, за голенищами и т. д. При обыске солдат беспощадно избивали: кто прикладом, кто кулаком; били по лицу.

Солдатам стало ясно, что они вышли безоружными на улицу, чтобы умереть от рук бешеной белогвардейщины.

После тщательного обыска вся белая банда отошла в сторону. Подали команду открыть огонь по противнику.

Сразу затрещали пулеметы. Послышались крики:

— Спасайтесь! Убивают!

Кто-то крикнул:

— Ложись!

Все солдаты, как один, повалились на мостовую, но это не спасло их: стрельба продолжалась и по лежачим. Часть

---

[1] Воспоминания о взятии Московского кремля юнкерами. Материалы секретариата главной редакции «Истории гражданской войны». Фонд II тома ИГВ.

солдат пыталась спастись в казармах, но это им не удалось: им мешали бежать залегшие солдаты, среди которых были убитые и раненые, а пулемет в упор расстреливал их у входа в казармы.

Расстрел продолжался минут пятнадцать.

«Лежа я слышал, — рассказывает тот же солдат, — как кричат и бьются в предсмертной агонии раненые товарищи. Часы на Спасской башне с перебоями пробили девять часов утра. Стрельба прекратилась.

— Вставайте, сволочи! Чего лежите, негодяи!

Я поднял голову — чувствую, что жив и даже не ранен. Снял шапку, посмотрел на нее и тоже подумал: жива, надел ее обратно. Передо мной открылась жуткая картина: корчащиеся в предсмертных судорогах, стоны и хрип раненых, ползающих по земле...» [1].

Другой солдат из арсенала Кремля дополнил эти воспоминания:

«Арсенальцев юнкера построили во дворе арсенала, произвели проверку по именному списку, а затем вывели на площадь между казармами 56-го полка и арсеналом.

Явился какой-то офицер — начальник. Не поздоровавшись с арсенальцами, он, приняв рапорт от старшего юнкера, прошел дальше, к царь-пушке.

После этого арсенальцы простояли около часу.

Пришел какой-то офицер. Команда: «Смирно!»

Юнкера вытащили из арсенала два пулемета и поставили их справа и слева по направлению наших рядов.

Никакой команды никто не подавал.

Вдруг где-то раздался одиночный выстрел, и сейчас же, как по сигналу, заработали пулеметы.

Раненые и убитые стали падать; за ними попадали и все оставшиеся невредимыми.

Пулемет остановился. Раздалась команда: «Встать!»

Арсенальцы встали и бросились было через калитку железных ворот арсенала обратно в казармы. Но

---

[1] Воспоминания о взятии Московского Кремля юнкерами. Материалы секретариата главной редакции «Истории гражданской войны». Фонд II тома ИГВ.

у калитки стояли два юнкера, которые бросили в арсенальцев две ручные гранаты. Произошла паника и давка, во время которой многих затоптали.

В казармах арсенальцы нашли полный разгром: постели были изорваны штыками, сундуки разбиты, все вещи и амуниция разбросаны, в баки для еды нагажено»[1].

Вот еще одно свидетельство дикого расстрела безоружных солдат. Это — сухой рапорт генерал-майора Кайгородова, отправленный по начальству 8 ноября 1917 года.

«В 8 часов утра 28 октября, — доносил генерал, — Троицкие ворота были отперты прапорщиком Берзиным и впущены в Кремль юнкера. Прапорщик Берзин был избит и арестован. Тотчас же юнкера заняли Кремль, поставили у Троицких ворот два пулемета и броневой автомобиль и стали выгонять из казарм, склада и 56-го пехотного запасного полка солдат, понуждая прикладами и угрозами. Солдаты склада в числе 500 человек были построены без оружия перед воротами арсенала. Несколько юнкеров делали расчет. В это время раздалось откуда-то несколько выстрелов, затем юнкера открыли огонь из пулеметов и орудия от Троицких ворот. Выстроенные без оружия солдаты склада падали, как подкошенные: раздались крики и вопли, все бросились обратно в ворота арсенала, но открыта была только узкая калитка, перед которой образовалась гора мертвых тел, раненых, потоптанных и здоровых, старающихся перелезть в калитку; минут через пять огонь прекратился. Оставшиеся раненые стонали; лежали обезображенные трупы»[2].

Когда солдат перегоняли из казарм во двор окружного суда, юнкера приказали им итти с поднятыми руками. Победители боялись побежденных, даже безоружных. Озверевшие палачи отказались накормить голодных солдат.

Кремль пал.

---

[1] В Кремле. Воспоминания. Материалы секретариата главной редакции «Истории гражданской войны». Фонд II тома ИГВ.

[2] Документы. Октябрь в Москве. «Борьба классов», 1931 г., № 6—7, стр. 99

Торжествующая контрреволюция, захлебываясь, сообщала «Всем, всем, всем...»:

> «Кремль занят. Главное сопротивление сломлено. Но в Москве еще продолжается уличная борьба. Дабы, с одной стороны, избежать ненужных жертв и чтоб, с другой стороны, не стеснять выполнения всех боевых задач, по праву принадлежащему мне на основании военного положения, запрещающего всякие сборища и всякий выход на улицу без пропуска домовых комитетов» [1].

В радостной спешке Рябцев даже не потрудился отредактировать приказ. Соглашатели перепечатали его в своих газетах с ошибками. Впрочем, жители Москвы и без того понимали, чем грозит появление на улицах безоружным: судьба солдат в Кремле стала широко известна.

«Комитет общественной безопасности», признавая «мятеж в Москве подавленным», подтверждал, что по улицам

> «будут ездить броневые автомобили с патрулями, которые в случае вооруженного сопротивления или стрельбы откроют огонь» [2].

Зачем броневики, раз мятеж подавлен? Кто будет сопротивляться, раз с восставшими покончено? Эти недоуменные вопросы вставали перед читателями хвастливых приказов.

О победе сообщили в Ставку.

> «Мятежники потеряли почву, и восстание приняло неорганизованный характер, — докладывал помощник командующего войсками поручик Ровный.— Есть попытки собраться около здания Совета депутатов в генерал-губернаторском доме. По отношению к мятежникам, засевшим там, тоже предъявлен ультиматум» [3].

Генерал-квартирмейстер штаба верховного главнокомандующего генерал Дитерихс, старый опытный усмиритель, счел нужным прочитать по проводу более молодому усмирителю целую лекцию:

> «Позвольте вам посоветовать в уличном мятеже меньше останавливаться на ультиматумах, так как

---

[1] Приказ по Москве. «Труд» № 180, 29 октября 1917 г.
[2] Объявление. «Труд» № 180, 29 октября 1917 г.
[3] Ставка и Московский комитет общественной безопасности в 1917 г. «Красный архив», 1933 г., том 6 (61), стр. 33.

это дает время мятежникам оправляться и устраивать новые гнезда. Уличный мятеж должен подавляться быстрыми, решительными действиями, не дробя своих сил по всему городу. Такой элемент, как вы имеете в юнкерах, исключительно благоприятный, и не надо только утомлять их затяжкой дела ультиматумами. Дело ясное — мерзавцы должны быть уничтожены, никаких договоров с ними не может быть.

Дитерихс» [1].

В ответ на нотацию из Москвы ответили:

«Командующий войсками в полном согласии с комитетом общественной безопасности до последней минуты хотел избежать кровопролитной гражданской войны и предотвратить события путем мирного разрешения. Когда оказалось это невозможным, приступлено к подавлению мятежа самыми решительными мерами, и с мятежниками расправляются беспощадным образом» [2].

Чтобы облегчить беспощадную расправу, Ставка сообщила, что с Западного фронта выслана батарея Сибирского казачьего артиллерийского дивизона с прикрытием в один взвод от Кавказской кавалерийской дивизии. Пушки подойдут, возможно, к вечеру 28 октября [3].

Итоги дня: тщательной подготовкой и решительностью контрреволюция добилась значительного успеха.

В Москве в первые дни борьбы руководители восстания допустили ряд ошибок, которые привели к затяжке борьбы.

Вот главные из них:

1. Партийный боевой центр был избран 25 октября — еще до того, как Московскому комитету большевиков стало известно о переходе в Петрограде власти к Советам. Партийный центр приступил к работе сразу. Он быстро послал занять телеграф, телефонную станцию и Главный почтамт. Но он не принял достаточных мер к тому, чтобы организовать в отряды и как следует вооружить лучших рабочих для наступления и окружения центров врага, как рекомендовал Ленин.

---

[1] Ставка и Московский комитет общественной безопасности в 1917 г. «Красный архив», 1933 г., том 6 (61), стр. 33.

[2] Там же, стр. 33—34.

[3] Там же, стр. 32.

Необходимое для Красной гвардии и солдат гарнизона оружие имелось в кремлевском арсенале, патроны — на Симоновских патронных и пороховых складах.

Руководители восстания в первый момент не обратили должного внимания на Симоновские склады. Кремль был занят только утром 26 октября. Коммуникации с Кремлем и его арсеналом не были обеспечены.

Между тем ночью юнкера заняли Манеж, находящийся у Троицких ворот Кремля. И когда 26-го утром в Кремль были направлены за оружием грузовики, то юнкера не пропустили их обратно, установив у кремлевских ворот контроль.

Руководившие занятием почты и телеграфа товарищи не проявили достаточной бдительности. Оказалось, что служащие продолжали поддерживать контрреволюцию. Они доставляли городской думе и штабу военного округа телеграммы, предоставляли для переговоров прямые провода и систематически обслуживали телефонные разговоры врагов.

2. Военно-революционный комитет не арестовал Рябцева и чинов его штаба, не разоружил юнкеров и офицеров, не использовал полностью всех возможностей для приведения в боевой порядок верных революции кремлевских частей, не назначил своей команды для броневиков, не вызвал невооруженных солдат гарнизона и отрядов Красной гвардии, чтобы, вооружив их, разгромить занявших Манеж юнкеров, — словом, не сделал всего необходимого, чтобы превратить Кремль в опорный центр восстания.

Уполномоченные Военно-революционного комитета, которые вели в течение двух дней — 26—27 октября — переговоры с Рудневым и Рябцевым, поверили заявлениям последнего. Он обещал отозвать юнкеров при условии, что Военно-революционный комитет выведет из Кремля роту 193-го полка. Роту вывели, но Рябцев тотчас же вновь поставил оцепление из юнкеров у кремлевских ворот. За этой же ошибкой последовала еще более тяжелая: комендант Берзин сдал Кремль. Белогвардейцы получили вооружение — винтовки, пулеметы и два броневика.

За миролюбие белогвардейцы отплатили обманом: они не только сразу же обезоружили солдат, но и учинили над ними зверскую расправу.

3. Буржуазные газеты были закрыты в ночь с 25-го на 26 октября, но были оставлены газеты эсеров, меньшеви-

ков и других соглашателей. Эти газеты обливали грязью большевиков и восставших рабочих и солдат. Они распространяли лживые слухи о поражении большевиков в Петрограде, о победе Керенского.

4. Объединенным пленумом Советов были избраны в Военно-революционный комитет 2 меньшевика и 1 объединенец. И это была серьезнейшая ошибка. Если они и были избраны, все же было достаточно поводов для того, чтобы их удалить — они мешали борьбе. Программа предательства и лицемерия, провозглашенная меньшевиками в дни Октября, предопределила и роль их представителей в Военно-революционном комитете. Они вошли для срыва его работы как прямая агентура контрреволюции.

Двуличная политика меньшевиков сыграла известную роль в нерешительности, которую проявило в первые дни руководство вооруженным восстанием в Москве.

5. Военно-революционный комитет, естественно, обосновался в здании Совета. Эсерам и меньшевикам — членам Исполнительных комитетов и президиума Совета рабочих и солдатских депутатов — была предоставлена полная возможность беспрепятственно шнырять по зданию и высматривать, где что делается. Они докладывали обо всем «комитету общественной безопасности». Больше того: когда Военно-революционный комитет или его штаб вызывали части войск к Совету, то меньшевики и эсеры — члены Совета солдатских депутатов — уговаривали солдат не участвовать в «братоубийственной войне». Все эти лазутчики буржуазии покинули здание Совета лишь 27 октября, как только Рябцев предъявил свой ультиматум. Тогда же ушли и два меньшевика из состава Военно-революционного комитета.

6. 26 октября утром Военно-революционный комитет предъявил Рябцеву требование о пропуске из Кремля оружия и о возврате захваченных юнкерами грузовых машин. Рябцев предложил начать переговоры о вооружении рабочих. Вместо того, чтобы подкрепить свои требования началом военных действий в районах, Военно-революционный комитет начал переговоры. Они были прекращены не Военно-революционным комитетом, а белогвардейцами после того, как последние достигли своей цели. Переговоры не только укрепили противника, но, вселяя иллюзии о возможности передачи власти Советам без вооруженной борьбы, отразились деморализующе на работе в районах.

Рябцев нарушил соглашение об удалении юнкеров из Манежа, юнкера напали на «двинцев» вечером 27 октября. Затем Рябцев предъявил наглейший ультиматум о ликвидации Военно-революционного комитета, путем обмана овладел Кремлем и зверски расправился с солдатами.

Переговоры 26 и 27 октября юнкера использовали следующим образом: а) они сорганизовались и тесным кольцом окружили здание Совета; б) произвели налеты на самокатную роту в Петровском парке, где захватили пулеметы, напали на Симоновские патронные и пороховые погреба, откуда вывезли патроны, и на 1-ю артиллерийскую запасную бригаду, где захватили два трехдюймовых орудия, правда, без снарядов; в) выиграли время для вызова подкрепления. Штаб московской контрреволюции с первого дня юнкерского мятежа широко использовал всякого рода провокационные измышления. Он не раз сообщал о подавлении вооруженного восстания в Петрограде, о прибытии войск с фронта, о ликвидации выступления рабочих Москвы и т. д. Руднев через захваченный юнкерами московский почтово-телеграфный узел забрасывал провинциальные города Московской области множеством вымышленных провокационных сообщений о ликвидации советской власти в Москве, о вновь сформировавшемся Временном правительстве в Москве, требовал от местных городских дум и земских самоуправлений не подчиняться советской власти и организовать борьбу с ней. Особенно широко была распространена белогвардейцами легенда о подавлении восстания большевиков после захвата Кремля. В распространении ложной информации гнусную роль играли «нейтральный» Викжель и почтово-телеграфный союз.

Пробравшиеся в состав боевых центров восстания противники социалистической революции, впоследствии разоблаченные как враги народа, саботировали указания Ленина и Сталина о необходимости активных наступательных действий с самого начала борьбы. Больше того, они сдерживали боевое нетерпение рабочих и солдат, умышленно срывали боевое выступление районов, надеясь переговорами с белогвардейцами предотвратить восстание.

Этим прежде всего объясняется тот факт, что белогвардейский мятеж в Москве не был подавлен сразу же, в начале выступления, хотя для этого были все условия.

5

НАСТУПЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ВОЙСК

Расстрел безоружных солдат в Кремле вызвал глубочайшее возмущение народа.

> «Не до работы теперь! 28-го дружно, как один человек, оставим фабрики и заводы и по первому призыву Военно-революционного комитета сделаем все, что он укажет» [1].

Так гласило воззвание Военно-революционного комитета, Центрального бюро профсоюзов, Московского комитета большевиков, московской организации социал-демократии Польши и Литвы. Они горячо призывали показать

> «нашим врагам, что против них подавляющее большинство московского населения» [2].

Пролетариат дружно откликнулся на этот призыв: все московские фабрики и заводы остановились. Рабочие ночных смен прямо от станков спешили в заводской комитет.

— Оружия! — требовали массы.

Дневная смена, не заходя в цехи, отправлялась в военно-революционный комитет. Толпы рабочих осаждали районные Советы.

— К оружию! — взывали массы.

Безоружные красногвардейцы строились в десятки и бегом направлялись в районные военно-революционные комитеты. Они терпеливо простаивали в строю, ожидая оружия. Шли все: мужчины и женщины, большевики и беспартийные. Большевик рабочий военно-артиллерийского завода, узнав о начале боевых действий, позвонил на завод:

— Снимите с работы всех большевиков и направьте в распоряжение революционного комитета.

Члены большевистской ячейки, около трехсот человек, построились во дворе завода и стройными рядами двинулись в указанные пункты. Уход красногвардейцев-большевиков вызвал тревогу среди двух тысяч рабочих, занятых в ночной смене. Они потребовали созвать собрание. Им коротко рассказали о положении дел. Рабочие без долгих

---

[1] К рабочим. «Известия Московского Совета рабочих депутатов» № 199, 28 октября 1917 г.

[2] Там же.

разговоров решили итти на баррикады. Работницы тут же записывались в санитарки. Энтузиазм был так велик, что даже меньшевики-рабочие, позабыв о «нейтралитете», вступали в Красную гвардию.

Глубокой ночью в военно-революционный комитет Городского района приехали рабочие какой-то фабрики из уезда. Суровые, с пылающими факелами в руках, некоторые с винтовками, рабочие привлекали всеобщее внимание.

— Кто? Откуда? Зачем? — засыпают их вопросами рабочие и солдаты.

— Услышали, что у вас жарко, и пришли помочь... С нами и работницы! [1].

Большинство приехавших — беспартийные.

— За дело! — просили они военно-революционный комитет.

Предательское нападение юнкеров вызвало негодование не только среди рабочих. Представитель Замоскворецкого районного комитета большевиков набирал на Калужской площади добровольцев. Вдруг из темноты выдвинулась какая-то воинская часть, вооруженная винтовками, с двумя офицерами во главе.

«Белогвардейцы», — мелькнула тревожная мысль.

Один из офицеров скомандовал: «К ноге!», подошел, взяв под козырек, и спросил:

— Кто будет здесь за начальника штаба? Мы из 196-й запасной дружины. Пришли в ваше распоряжение, — заявили оба офицера, оказавшиеся капитаном Шуцким и поручиком Богословским.

В порыве благородного негодования против зверской расправы в Кремле они перешли на сторону восставшего народа.

В штаб Сокольнического военно-революционного комитета явился штабс-капитан Л. И. Лозовский, меньшевик-интернационалист. Он привел с собой двух взрослых сыновей.

> «...Я не большевик, — заявил он, — но вот в момент, когда рабочий класс вышел с оружием в руках на баррикады, я не могу стоять в стороне» [2].

---

[1] А с я. Октябрь 1917 г. в Городском районе. В книге: «Октябрьские дни в Москве и районах». Москва, «Московский рабочий», 1922 г., стр. 61.

[2] Материалы секретариата главной редакции «Истории гражданской войны». Фонд II тома ИГВ.

Лозовский и один из его сыновей геройски погибли в гражданской войне.

Немало честных интеллигентов в тот день связали свою судьбу с делом рабочего класса. В военно-революционные комитеты приходили инженеры, предлагая свои знания и опыт.

Возбуждение охватило солдат гарнизона. В тот же день, 28 октября, гарнизонное собрание ротных комитетов выделило Временный комитет солдатских депутатов из десяти человек. Собрание объявило старый эсеро-меньшевистский Исполнительный комитет Совета солдатских депутатов изменником делу революции. «Десятка» немедленно призвала солдат

> «всемерно поддержать Военно-революционный комитет и подчиняться только его распоряжениям; распоряжения же, исходящие от штаба округа и «комитета общественной безопасности», не признавать» [1].

«Десятка» распорядилась стягивать солдатские отряды для защиты Совета, который помещался в доме бывшего московского генерал-губернатора на Скобелевской площади. На том месте, где теперь высится новое здание Совета, были двор со всевозможными службами — конюшнями и т. д. — и два флигеля, выходившие фасадом на Чернышевский переулок.

К вечеру 28 октября Скобелевская площадь перед Советом уже обстреливалась со всех сторон. Юнкера наступали от Охотного ряда и из переулков между Никитской и Тверской.

Военно-революционный комитет и его штаб выработали план прорыва белогвардейского кольца и дальнейшего наступления.

Центр был захвачен противником, что позволяло ему смело маневрировать, легко перебрасывать резервы в слабые места. Телефон находился в руках юнкеров. Это обеспечивало им бесперебойную связь. Телеграф, отбитый белыми утром 28 октября, связывал их со Ставкой, откуда вызывали помощь. На стороне противника было несомненное превосходство в вооружении. Арсенал Кремля с огромным запасом винтовок и пулеметов попал в руки юнкеров. Интендантский склад снабжал белых продовольствием.

---

[1] «Социал-демократ» № 195, 28 октября 1917 г.

После тщательного ознакомления с обстановкой Военно-революционный комитет принял следующее решение:

«Установить тесную связь с районами, обеспечив себе базу в одном из них. Начать наступательные действия в центре и партизанскую войну в районах» [1].

Сражения в Москве разбились на ряд отдельных стычек в различных районах города. Со всех сторон поступали требования на оружие и патроны.

Военно-революционный комитет Казанской железной дороги приказал проверить все вагоны на путях. Красногвардеец Маркин, осмотрщик вагонов, обнаружил винтовки. Он прибежал в военно-революционный комитет. Вагоны вскрыли. Нашли около сорока тысяч винтовок. К вагонам подогнали паровоз и втащили их в мастерские. Немедленно оповестили Городской и Сокольнический районы. Оттуда срочно прислали грузовики. Доставку оружия в остальные районы организовал Партийный центр. В течение ночи и утра следующего дня винтовки отвезли в город и роздали по районам.

Симоновские пороховые склады были взяты красногвардейцами Симоновского подрайона. Стали оттуда подвозить патроны.

С этого момента начались усиленное вооружение рабочих и солдат и организация их в отряды.

Прежде всего необходимо было обеспечить свой ближайший тыл. На Тверском бульваре в доме № 26 помещалось московское градоначальство. Большое здание выходило сторонами в Большой и Малый Гнездниковские переулки, совсем недалеко от Совета, где работал Военно-революционный комитет.

В градоначальстве собралось около двухсот хорошо вооруженных белых. Пришел отряд конной милиции. Поодиночке и группами 27 и 28 октября непрерывно подходили милиционеры из захваченных большевиками комиссариатов. Рябцев, понимая необходимость сохранения градоначальства как угрозы тылу красных войск, прислал отряд юнкеров с двумя пулеметчиками. Прибыли два отряда студентов во главе с прапорщиком.

---

[1] Московский военно-революционный комитет. «Красный архив». 1927 г., том 4 (23), стр. 70.

Тут же, во дворе градоначальства, помещался союз милиционеров. Он перешел на сторону Военно-революционного комитета и оказал ему немалую услугу своим телефоном. Белые скоро узнали об этом, членов союза милиционеров арестовали, а по их телефону перехватили несколько распоряжений Военно-революционного комитета.

Для захвата градоначальства был создан отряд специального назначения. Отряду было дано одно орудие, занявшее позицию на Страстной площади. В этот отряд входили «двинцы», самокатчики, солдаты 55-го и 85-го полков и красногвардейцы завода Михельсона и др. Наступление велось по Тверскому бульвару и обоим Гнездниковским переулкам.

Подступы от Никитской по Чернышевскому и Брюсовскому переулкам были заняты пикетами юнкеров. Оттесняли их и вели дальнейшее наступление красногвардейцы и солдаты 56-го и 192-го запасных пехотных полков.

Солдат 193-го пехотного запасного полка, несших 27 октября охрану Совета, сменили две роты 55-го пехотного запасного полка. К Московскому Совету прибывали вооруженные отряды Красной гвардии и солдат разных полков, направленные Партийным центром из районов. Воздвигались баррикады, рылись окопы. Наступление от Совета развивалось по всем направлениям.

В тот же день, 28 октября, отряд в 50 рабочих завода № 38 получил от Военно-революционного комитета задание занять Газетный переулок и вести наступление к Большой Никитской улице. Другой отряд из солдат 56-го полка был направлен в наступление по Брюсовскому переулку.

В Газетном переулке отряд обосновался в доме № 7, а в Брюсовском — в здании женской гимназии.

Первый отряд выбил юнкеров из дома № 1 на углу Никитской и Газетного, забрав у бежавшего в панике противника 36 винтовок, 24 револьвера и 18 ручных гранат.

Победа воодушевила бойцов.

В Городском районе Садовая улица от Земляного вала до Каретного ряда была занята красногвардейцами и солдатами 56-го и 251-го полков. Сухаревский рынок превратился в вооруженный лагерь, подступы к нему были окопаны. На углу Сретенки выросла баррикада. На площади перед районным военно-революционным комитетом скопилась масса грузовых автомобилей. Военно-революционный

комитет работал в здании трактира — на углу Сухаревской площади и 1-й Мещанской, на втором этаже. Внизу, на лестницах, в коридорах толпились солдаты и рабочие.

Низенькое здание трактира часто обстреливалось взобравшимися на крыши высоких домов юнкерами. Не раз пули попадали в окна, кое-кого ранили. Какой-то солдат из Спасских казарм предложил поставить пулемет на Сухаревской башне: оттуда можно держать под огнем всю площадь и окружающие дома. Тайком солдаты втащили пулемет и открыли огонь в ответ на новые выстрелы с чердака соседнего дома. Выстрелы белых прекратились.

— И без офицеров стратегию знаем, — с гордостью говорили солдаты, довольные результатом выдумки.

Красногвардейские «десятки», получив в штабе Городского района оружие, отправлялись на грузовиках к месту боев. Отсюда же шли отряды Красной гвардии на помощь Московскому Совету и 56-му пехотному запасному полку, который отбивал обратно у юнкеров почтамт, телеграф и Междугородную телефонную станцию.

Перед военно-революционным комитетом Городского района стояла задача занять и Центральную городскую телефонную станцию. Однако первое наступление на нее со стороны Большой Лубянки было юнкерами отбито.

Через Сокольнический районный военно-революционный комитет поступали снаряды из огнескладов мызы Раево.

В Сокольнических вагонных мастерских был сорганизован свой заводской военно-революционный комитет. Он взял на себя формирование и питание красногвардейцев. Это был своеобразный «запасный» полк Октябрьской революции в Москве. Он за три-четыре дня пропустил около трех тысяч рабочих-красногвардейцев. Обучение велось самое упрощенное: знакомство с винтовкой и учебная стрельба на стрельбище, устроенном тут же в мастерских. Питательный пункт при мастерских пропускал в день до полутора тысяч красногвардейцев.

Через этот «запасный» полк прошли почти все отряды, прибывшие в дни боев из окрестностей Москвы: мызы Раево, Кольчугина, Мытищ, Коломны и др.

Басманный и Благуше-Лефортовский районы имели задачей овладеть Алексеевским военным училищем Там засело вместе с кадетами около четырехсот юнкеров с пулеметами. Основной боевой силой района были мастерские тяжелой осадной артиллерии — «Мастяжарт». На три ты-

сячи рабочих там насчитывалось девятьсот большевиков. Все они были организованы на военный лад: разбиты на взводы и роты. В мастерских стояло несколько десятков орудий, но винтовок и берданок было не больше сотни. Юнкера, хорошо вооруженные, могли отбить пушки. Поэтому приходилось спешить. На подступах к училищу вырыли окопы, заняли позиции. Юнкерам предложили сдаться, обещая неприкосновенность. В ответ юнкера неожиданно открыли огонь, убили пять и ранили десять рабочих. Военно-революционные комитеты обоих районов начали правильную осаду училища.

В районе были воинские части: самокатный батальон, три роты телеграфно-прожекторного полка, 2-я автомобильная рота, 661-я ополченская дружина, в которой служили солдаты старше сорока лет. Самокатчики в первый же день восстания ушли на охрану Совета. Из остальных частей Благуше-Лефортовский район послал к центру несколько отрядов. Приходилось охранять районы, нести караулы, ставить посты на заводах. В осаде училища приняли участие главным образом мастерские тяжелой артиллерии и небольшой отряд самокатчиков.

Рабочие и трудящиеся районов целиком поддерживали революционные комитеты. Часто жены рабочих, жители районов задерживали агитирующих против советской власти и приводили в Военно-революционный комитет со словами:

— Кто против Совета, тот на стороне буржуазии и, значит, враг народа.

Явно на стороне юнкеров были только учащиеся Высшего технического училища. Военно-революционный комитет произвел обыск в училище и отобрал оружие.

Юнкера превратили Алексеевское училище в крепость: устроили пулеметные гнезда. Толстые стены корпусов защищали от пуль.

На совместном совещании трех революционных комитетов — Басманного, Благуше-Лефортовского и Рогожского — постановили бомбардировать училище. Военные мастерские тяжелой осадной артиллерии — «Мастяжарт» — решили бомбить училище из японских гаубиц. Пушки не на чем было подвозить. Нехватало постромок. Рабочие снимали свои ремни, связывали их вместе и на поясах тащили пушки. Стрелять пришлось без прицельных приспособлений — они были спрятаны офицерами. Первый сна-

ряд пролетел мимо цели. Второй снаряд ударил по трубе завода Гужона, третий — по Золоторожскому трамвайному парку. После неудачных выстрелов решили подтащить пушки ближе, чтобы стрелять в упор. Но этому мешал пулемет, расположенный у главного подъезда. Красногвардейцы под градом пуль, ползком, буквально по метру в час, с неимоверными усилиями вывезли пушку на самый мост, шагах в четырехстах от подъезда. Пораженные исключительной смелостью, юнкера растерялись. Рабочие вскочили и прямой наводкой стали бить по училищу. После второго снаряда пулемет смолк. Обыскали все хранилища и нашли панорамы. Начался правильный артиллерийский обстрел училища.

В Рогожско-Симоновском районе 28-го утром, когда до рабочих дошел призыв Военно-революционного комитета к забастовке и загудели тревожные гудки, одна фабрика за другой бросали работу. Рабочие потянулись в районные Советы. Их было два — в Рогожском районе и в Симоновском подрайоне. Первым пришел отряд Золоторожского парка. За ним бежали, перегоняя друг друга, гужоновцы, рабочие завода Подобедова, фабрик «Марс», «Караван», «Дангауэр» и др. Работницы фабрик Остроумова, Келлера, Сумина целыми группами шли в район и записывались в отряды красных сестер.

Все спешили на Алексеевскую улицу, где помещались Рогожский Совет, штаб и районный партийный комитет. Оружия не было. Рабочие трамвайного парка ушли, попросив:

— Придут винтовки, скажете нам, — через десять минут прибежим.

Так оно и случилось. Когда была доставлена первая партия винтовок, послали за трамвайными рабочими. Они скоро примчались, вооружились и в числе пятидесяти бойцов пошли занимать позиции на Варварской площади. Такое же оживление было у Симоновского подрайонного Совета.

В Замоскворецком районе, где во главе военно-революционного комитета стоял большевик, профессор астрономии Штернберг, красногвардейцы, взявшие на себя охрану мостов, очистили от юнкеров Каменный мост и заняли Крымский, к последнему со стороны Зубовского бульвара подошел отряд 193-го полка и соединился с замоскворецкими красногвардейцами. Красная гвардия заняла Коммер-

ческий институт, где засел белогвардейский отряд. Там было арестовано восемьдесят семь студентов-белогвардейцев.

Помещение районного комитета в Замоскворечье напоминало военный лагерь. Все комнаты были переполнены рабочими. «Двинцы» и солдаты 55-го запасного пехотного полка обучали их обращению с винтовками и револьверами. Рабочие рвались в бой. Ряд фабрик и заводов занимал своими красногвардейцами отдельные участки. Завод Михельсона дал отряд в двести красногвардейцев и сто пятьдесят санитаров. Рабочие телефонного завода и электрической станции заняли Чугунный мост и охраняли его от юнкеров. Рабочие станции выключали свет в местах расположения белогвардейцев. С завода «Поставщик» пришел отряд в пятьдесят человек. Даниловская мануфактура охраняла район от нападения казаков, которые могли притти по шоссе из Каширы.

Большую самоотверженность проявили рабочие трамвая. Они привозили оружие, ездили на разведку. Выделили прекрасный отряд бойцов. Рабочие, обив досками вагон и насыпав в прослойки песок, создали таким образом самодельный бронепоезд. Пытались было наступать по Каменному мосту, но юнкера перебили провода трамвайной линии, и вагон остановился. Когда понадобились инструменты для рытья окопов, рабочие выдали лопаты из своих мастерских. Выдавали по счету и строго следили за возвращением. Они чувствовали себя хозяевами и крайне бережно относились к имуществу.

В тылу района, в Котлах, стояли казаки. Было их немного: основная часть ушла в центр. Но они могли внести панику неожиданным налетом. Рабочие Даниловской мануфактуры послали к ним агитаторов. После митинга казаки согласились выдать оружие. Район был очищен от небольших групп белых, и все вооруженные отряды были посланы к Москва-реке.

В Хамовническом районе юнкера держались в 6-й школе в 1-м Смоленском переулке, у Смоленского рынка. Арбат был весь в руках юнкеров.

В этом же районе находился и центральный интендантский продовольственный склад, на углу Остоженки, снабжавший продовольствием московский гарнизон. Этот склад был занят юнкерами. Задача района состояла в том, чтобы закрепить за собой Брянский вокзал и занять интен-

дантский склад. Нужно было удержать Крымский мост, через который шла связь с Замоскворечьем. Однако главное внимание было сосредоточено на 5-й школе прапорщиков в Смоленском переулке.

Поздно ночью 27 октября, по получении известий об ультиматуме Рябцева, тотчас же выступили солдаты 193-го полка. К солдатам добавили красногвардейцев и двумя отрядами повели наступление на Крымский мост.

Утром 28 октября офицеры полка, занимавшие общежитие против казарм, обстреляли корпуса. Тогда солдаты выскочили с винтовками, ринулись к общежитию и взяли его приступом. Многих офицеров перекололи.

Нападение офицеров вызвало такое возмущение, что солдаты потребовали отправки полка на позиции. К 12 часам три роты ушли через Пресню на Ходынку для прикрытия артиллерии.

Председатель комитета 193-го полка привел роту на помощь осаждающим интендантский склад. Совместной атакой склад был взят. Последний юнкерский грузовик увозил продовольствие под обстрелом революционных войск.

Отряды Хамовников и Замоскворечья — последние перешли по Крымскому мосту — оттеснили юнкеров в глубь Остоженки, а по Пречистенке — к самому штабу Московского округа, выходящему на Пречистенку и в переулок на Остоженку. Тут юнкера оказали упорное сопротивление. К ним подоспели подкрепления. К вечеру 28 октября юнкера перешли в наступление и по Остоженке и по Пречистенке. У Смоленского рынка наступление юнкеров поддерживал броневик.

Дорогомиловский революционный комитет после налета офицеров вновь организовался и быстро сколотил несколько отрядов из рабочих районов, железнодорожников и солдат команды выздоравливающих.

Ночью 28 октября по призыву ревкома пришли двести рабочих трамвайного парка с инструментом. Рабочие вырыли окопы у Бородинского моста, на Плющихе, по Смоленскому бульвару, на Пречистенке.

Замоскворецкий район ночью же подвез на грузовике громадные тюки с хлопком. Прикрываясь ими, красногвардейцы вырыли окопы на Остоженке. Выросли окопы и в Замоскворечье у Каменного моста, а у Москворецкого была построена баррикада.

Роль Бутырского и Сущевско-Марьинского районов сводилась к охране территории районов от проникновения белых и к пополнению красногвардейцами сил Московского военно-революционного комитета.

Перед Пресней стояли следующие задачи:

1) не пускать белых на Брянский и Александровский вокзалы;

2) не позволить юнкерам захватить Ходынку с ее артиллерией.

Часов в 11 утра 28 октября пресненцы послали членов ревкома в Хамовники за отрядом для прикрытия артиллерии. Не прошло и часа, как отряд солдат двинулся на Ходынку. Но оттуда уже выступила к Совету 5-я батарея, осторожно направляясь к центру города. Недалеко от Страстной площади на батарею неожиданно налетели белые. Артиллеристы отогнали их беглым огнем винтовок. На площади артиллеристы нашли солдат 193-го полка. Отослав лошадей в прикрытие, артиллеристы приступили к обстрелу градоначальства. В центре грянули первые выстрелы пушек.

Артиллерийская канонада подняла настроение во всем Пресненском районе. Началось быстрое формирование отрядов. Они наступали на линию Садовой от Каретного ряда и до Новинского бульвара.

Военно-революционный комитет Железнодорожного района находился в Сокольническом районе. на Николаевском вокзале. В этом районе находились самые крупные дороги — Ярославская, Казанская и Николаевская. Николаевский вокзал имел и имеет прямую связь с Курским вокзалом. На Николаевском вокзале помещалось московское бюро Викжеля.

На территории вокзалов, за исключением Брянского, боев не было, но военно-революционные комитеты отдельных дорог оказывали московскому восстанию громадную помощь: 1) они заняли вокзалы вопреки «нейтральному» Викжелю; 2) приостановили передвижение белых войск на Москву; 3) установили связь с Петроградом через вокзал Ярославской дороги; 4) нашли на Казанском вокзале около 40 тысяч винтовок; 5) в Московском железнодорожном узле совершенно изолировали организацию Викжеля, а на Курской железной дороге военно-революционный комитет арестовал главный дорожный соглашательский комитет; 6) все свободные отряды со всех дорог военно-револю-

ционный комитет Железнодорожного района отправлял в центр. Отряды красногвардейцев-железнодорожников тех дорог, которые находились в районе боев, принимали в них активное участие.

К ночи 28 октября положение Военно-революционного комитета значительно улучшилось. Юнкерам не удалось расширить захваченный ими район. Наоборот, вокруг них образовалось почти сплошное кольцо. Рабочие отряды теснили юнкеров к центру. Все вокзалы были в руках красных. Никто не пришел на помощь к юнкерам, а к Совету подходили все новые и новые отряды. Перед зданием Совета стояли пушки, одним своим видом поднимавшие дух бойцов. А главное состояло в том, что развернулось в массовом масштабе формирование отрядов. Военно-революционный комитет просил из района сто человек — приходило триста. На борьбу поднялись народные массы. Районы гудели, как растревоженные ульи. Творческая инициатива переливалась через край.

Ночью 28 октября поручик Ровный опять говорил со Ставкой. От прежней заносчивости не осталось и следа.

> «Центр главным образом в наших руках, — докладывал поручик, — за исключением района, прилегающего к дому генерал-губернатора.
>
> Окраины в руках Красной гвардии и взбунтовавшейся части солдат.
>
> Замоскворечье — не в сфере нашего воздействия...
>
> Ввиду недостатка сил и переутомленности верных правительству войск не представляется возможным быстрое очищение Москвы от восставших» [1].

Ровный закончил свое унылое сообщение просьбой прислать поскорее помощь.

Ставка, однако, хорошо понимала настроение белых в Москве. Дитерихс закончил беседу с поручиком Ровным угрозой, он сообщил «для личного сведения», что ему приказано в случае надобности

> «...устранять от фактического исполнения обязанностей всякого начальника без исключения...» [2]

По окончании беседы с Москвой Дитерихс вызвал Западный фронт и убедительно просил послать в Москву

---

[1] Ставка и Московский комитет общественной безопасности в 1917 г. «Красный архив». 1933 г., том 6 (61), стр. 35.

[2] Там же, стр. 35—36.

срочную помощь, но обязательно из ближайшего района. Западный фронт ответил, что ему не позволяет комитет в Минске.

«— Но ведь вы можете послать не с фронта, а из Минского округа.

— Дело в том, что у нас в тылу всюду выступления большевиков и захват ими власти. Всюду требуются войска. Имеется как бы резерв в Калуге, но начальник округа требует пересылки войск из Калуги в Смоленск, в Ржев и Вязьму. Сейчас доложу главнокомандующему и о последующем сообщу.

— Доложите, что очень нужно. Очень, — повторяю второй раз.

Дитерихс» [1].

С большим трудом удалось найти часть: в Москву приказали отправить три эскадрона нижегородских драгун, которые не то стоят в Калуге, не то идут в Смоленск. Толком не знали, где они находятся.

Утром 29 октября революционные войска перешли в решительное наступление. Отряд самокатчиков в семьдесят человек занял Малый театр.

Градоначальство было взято. Осада его встретила серьезные препятствия, так как подступ к нему со стороны Страстной площади находился под обстрелом юнкеров, занявших Никитские ворота. Над градоначальством высилось огромное здание дома № 10 в Большом Гнездниковском переулке. На башню дома красногвардейцы втащили пулемет, поливая двор градоначальства дождем пуль. Со Страстной открыли артиллерийский огонь. Против градоначальства был подготовлен комбинированный удар. После одного удачного выстрела из орудия градоначальство было атаковано красным отрядом.

С криком «ура» бойцы проскочили бульвар, улицу и очутились у окон нижнего этажа градоначальства. Командир отряда приказал залечь за оградой и открыть огонь. Солдаты было залегли, но красногвардейцы бросились вперед, прикладами вышибли стекла и ворвались в дом. Солдаты последовали за красногвардейцами. Смелый натиск при-

[1] Ставка и Московский комитет общественной безопасности в 1917 г. «Красный архив», 1933 г., том 6 (61), стр. 37.

вел юнкеров, и без того напуганных пулеметным и орудийным огнем, в полное смятение. Они прекратили стрельбу и буквально горохом посыпались с верхних этажей. Около двухсот превосходно вооруженных юнкеров и студентов сдалось отряду в пятьдесят — шестьдесят человек. Юнкеров под охраной десятка бойцов отправили в Московский Совет.

Комбинированный удар против градоначальства увенчался успехом.

В смелой атаке погибли организаторы молодежи в Сокольническом районе — Сергей Барболин, двадцати лет, и Жебрунов, девятнадцати лет. Барболин — способный, энергичный, ежеминутно готовый отдать жизнь революции, вел огромную работу среди молодежи. Целый день проводил на заводах. Жебрунов — с пятнадцатилетнего возраста был единственным кормильцем семьи. В поисках заработка исколесил почти всю страну. При первой же возможности садился за книгу и назавтра делился прочитанным с другими товарищами. «Хвостики» — так любовно называли неразлучных друзей старшие товарищи. В дни боев Барболин и Жебрунов выполняли разнообразные поручения. Но им все казалось мало: они рвались в бой. Вооружившись винтовками, покинули они район и ушли в центр. Их послали к зданию градоначальства. Пулеметная очередь сразила Жебрунова наповал и смертельно ранила Барболина.

Красные части утвердились в переулках, идущих к Совету, и продвинулись до Большой Никитской, которая стала границей между ними и юнкерами.

Революционные войска утром 29 октября с боем вновь заняли почту и телеграф. Красногвардейцы установили, что комитет служащих задержал телеграмму советской власти. Города, где победила революция, были выключены из телеграфной сети. Караул на телеграфе арестовал часть членов комитета служащих и сообщил об этом Военно-революционному комитету. Последний прислал особого комиссара.

В Лефортове, после того как рабочие мастерских тяжелой артиллерии нашли панорамы, огонь пушек стал более метким. Снаряды рвались в здании Алексеевского военного училища. Большинство кадет и служащих сдалось, юнкера же и кадеты старших классов продолжали сопротивляться.

В Хамовниках 29 октября красногвардейцы небольшими партиями, в три — пять человек, пробрались домами и дворами в тыл противника. Юнкеров забрасывали гранатами, открывали неожиданный огонь. Солдаты 193-го полка установили на Остоженке бомбомет в окопе.

Всего в двухстах шагах были окопы белых. Огонь частый. Над окопом нельзя было показаться. Красногвардейцы Замоскворечья, на территории которого в это время боев уже не было, заняли мосты через Москву-реку. Отправляли вооруженные отряды для совместных действий с Хамовническим районом против штаба военного округа. Кроме того, одной из важнейших задач Замоскворечья было обеспечить бесперебойную работу электростанции, что и было выполнено.

Особое значение Замоскворецкого района в Октябрьские дни заключалось в том, что там было сосредоточено много фабрик и заводов, которые служили источником для создания красногвардейских отрядов. В здании Коммерческого института с 29 октября обосновался Партийный боевой центр. В Замоскворечье же в дни боев находились редакции «Социал-демократа» и «Известий» Московского Совета.

В Пресненском районе за 29 октября Военно-революционный комитет организовал и вооружил до шестисот человек. Были заняты 1-й и 2-й комиссариаты милиции и захвачен на Воскресенском поле казачий разъезд.

В ночь на 30 октября в Пресненский район прибыли трехдюймовые орудия из 1-й артиллерийской запасной бригады. Одно из них, установленное на Кудринской площади, стреляло по Казанской и Девятинской колокольням, занятым юнкерами. Второе было установлено у Зоологического сада, третье — у Горбатого моста.

Важнейшей задачей для района было удержать Александровский — ныне Белорусский — вокзал, который был занят без всяких столкновений военно-революционным комитетом этой дороги.

Боевые действия вооруженных сил Военно-революционного комитета успешно развивались.

Юнкера и офицеры сдали такую важнейшую позицию в центре города, как градоначальство.

В 9 часов вечера 29 октября штаб округа доносил в Ставку:

«...силы противника увеличиваются, и он становится с каждым часом наглее.

Окраины для нас совершенно недоступны.

...Сегодня большевики заняли уже все вокзалы, в центре градоначальство, а также почту и телеграф, которые пришлось оставить за переутомленностью отряда, отбившего успешно неоднократные атаки. Отряд пришлось перевести на телефонную станцию.

Алексеевское училище, где осталась рота юнкеров, мужественно защищается, хотя тяжелая артиллерия большевиков разрушила верхнюю часть здания и вызвала пожары...

...Необходима крайняя помощь, так как положение, не имея в перспективе поддержки, не из блестящих» [1].

Дальнейший успех красных войск казался вполне обеспеченным.

6

ПЕРЕМИРИЕ

Обещая помощь Москве, генерал Духонин не учел одного: в ряде важнейших пунктов по пути следования войск власть уже перешла в руки большевиков. Так, к 28 октября в руках рабочих были: Вязьма, Коломна, Шуя, Казань, Царицын, Минск, Новгород, Торопец, Речица, Витебск, Ржев, Подольск, Брянск, Егорьевск и Рязань.

Керенский отменил распоряжение об отправке драгун из Калуги в Москву. Он приказал отправить этот полк пассажирским поездом в Петроград. То же произошло и с вызванными в Москву из Калуги броневиками.

Вместо драгун из Калуги в Москву отправились две сотни кубанских казаков. Но в тридцати верстах от Вязьмы местный Совет разобрал железнодорожный путь. Казачьи офицеры попытались продвинуться в Москву кружным путем, но в Туле были задержаны.

Направленная с Юго-западного фронта через Гомель, Оршу и Вязьму кавалерийская бригада в Орше встрети-

[1] Ставка и Московский комитет общественной безопасности в 1917 г. «Красный архив», 1933 г., том 6 (61), стр. 38.

ла неожиданное препятствие: двинутый было в Петроград 623-й пехотный полк занял своими эшелонами станцию и заявил, что ни одной части ни в Петроград, ни в Москву не пропустит.

Попытки Духонина вызвать казаков с Дона тоже потерпели крах. Атаман Каледин ответил, что для посылки казаков в Москву «требуется наличие чрезвычайной необходимости для оправдания в глазах казаков»[1].

Не помогли клеветнические попытки представителей «комитета общественной безопасности» убедить фронтовых солдат, будто «большевики организовали в Москве погром», будто «в Москве пьяные банды жгут все и режут ни в чем неповинных людей».

Бдительность революционных рабочих и солдат не допустила в Москву вызванных контрреволюцией подкреплений, и «комитет общественной безопасности» не получил извне вооруженной помощи. Но помощь все же шла. К 30 октября должны были прибыть войска с Юго-западного фронта. С часу на час ожидали падения Петрограда, где началось юнкерское восстание. Нужно было выиграть хотя бы один-два дня. В этом «комитету общественной безопасности» помог Викжель.

29 октября Викжель через свое московское бюро предъявил Военно-революционному комитету и «комитету общественной безопасности» ультиматум:

> «Немедленно оставить гражданскую войну и сплотиться для образования однородного революционно-социалистического правительства»[2].

Он угрожал всеобщей железнодорожной забастовкой с 12 часов ночи на 30 октября,

> «если к тому времени боевые действия Петрограда и Москвы не будут прекращены»[3].

Московский военно-революционный комитет вновь пошел на переговоры. В 12 часов ночи 29 октября было объявлено перемирие. О нем сообщили по телефону и разослали специальных гонцов. Красные части не повери-

---

[1] Ставка и Московский комитет общественной безопасности в 1917 г. «Красный архив», 1933 г., том 6 (61), стр. 39.

[2] Очерки по истории союза 1917 г. Сборник комиссии по изучению истории профессионального движения на транспорте. Москва, Истпрофтран, 1924 г., стр. 80.

[3] Там же.

ли перемирию: победа, казалось, уже в руках, а тут вдруг перемирие! Когда одному артиллеристу вручили приказ о прекращении стрельбы, он прочел его, скомкал, бросил негодующе в сторону и сказал:

— Пишут что-то непонятное, — и стал продолжать обстрел.

Понадобился второй приказ, чтобы заставить артиллериста прекратить огонь.

С большим трудом удалось добиться временного затишья.

Обстрел телефонной станции не прекращался.

Ультиматум Викжеля шел навстречу интересам контрреволюции. Один из активных ее защитников впоследствии писал:

> «Ультиматум «Викжеля» значительно поднял настроение «комитета общественной безопасности».
>
> И поэтому «комитет общественной безопасности» охотно согласился на перемирие»[1].

Викжель образовал согласительную комиссию в составе представителей Московского военно-революционного комитета, «комитета общественной безопасности», московской организации меньшевиков, Совета солдатских депутатов (старого), совета союза почтово-телеграфных служащих и московского бюро Викжеля и предложил ей следующий проект соглашения:

> «1. Образованные специальные в связи с вооруженным столкновением сводные части, как солдатские, так и офицерские, распускаются.
>
> 2. Обе стороны издают постановление о сдаче оружия, захваченного для организации боевых дружин в период боевых действий.
>
> 3. Для контроля над выполнением этих обязательств учреждается комиссия, состоящая из представителей обеих сторон на паритетных началах и представителей Викжеля.
>
> 4. В Москве создается орган, объединяющий и руководящий обычной деятельностью всех органов власти и обладающий чрезвычайными полномочиями; этот орган сохраняется впредь до решения централь-

---

[1] Вознесенский А. Н. Москва в 1917 году. Москва — Ленинград. Госиздат. 1928 г., стр. 172.

ным правительством вопроса об организации власти на местах. Состав его: от городского управления — 7 представителей, от Московского Совета рабочих и солдатских депутатов — 7, от губернского земства — 2, от губернских Советов рабочих и крестьянских депутатов — по одному, от Центрального совета профессиональных союзов, от почтово-телеграфного союза и от Викжеля — по одному. При этом Военно-революционный комитет и «комитет общественной безопасности» — упраздняются.

5. Временным комитетом (т. е. органом, предусмотренным предыдущим пунктом) создается специальная следственная комиссия, выясняющая причины, вызвавшие гражданскую войну в Москве, и ответственность отдельных лиц и организаций.

6. По заключении соглашения войска обеих сторон разводятся по своим частям и поступают в распоряжение командующего Московским военным округом, действующего по уполномочию Временного комитета» [1].

Военно-революционный комитет, со своей стороны, внес в согласительную комиссию свой проект соглашения следующего содержания:

«1. Вся власть в Москве находится в руках Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

2. Сводные части (как офицерские, так и солдатские) распускаются.

3. Красная гвардия в интересах защиты революции не уничтожается, белая гвардия распускается. Оказавшееся излишним оружие передается в арсенал.

4. По заключении соглашения войска обеих сторон разводятся по своим частям» [2].

Согласительная комиссия положила, конечно, в основу обсуждения проект Викжеля.

---

[1] Очерки по истории союза 1917 г. Сборник комиссии по изучению профессионального движения на транспорте. Москва, Истпрофтран, 1924 г., стр. 86—87.

[2] Из истории Октябрьской революции в Москве. «Пролетарская революция», 1923 г., № 9 (21), стр. 226.

Глубокой ночью 30 октября в «царском павильоне» Курского вокзала собрались представители двух лагерей.

Обстановка нервная. То и дело раздаются выстрелы. Руднев упрекает большевиков, что красногвардейцы нарушают перемирие. Советские представители удивляются тонкости слуха Руднева, который различает, кому принадлежат выстрелы. Викжелевцы — их присутствовало несколько человек — умоляют прекратить перебранку и приступить к обсуждению.

Приступили. Проект большевиков был признан явно неприемлемым. Руднев и Шер всячески затягивали переговоры. Они настаивали на роспуске Красной гвардии и Военно-революционного комитета.

Пункты 1, 3, 6 соглашения, предложенного Викжелем, были приняты всеми, в том числе и представителями Военно-революционного комитета. Но представители Военно-революционного комитета были против пунктов 2 и 5, а пункт 4 в части, касающейся состава власти, они согласились принять только после ультимативного требования Викжеля. Так как обсуждение вопроса о соглашении не было закончено, согласительная комиссия постановила продлить перемирие еще на 12 часов.

Переговоры кончились. Делегация Военно-революционного комитета ушла к автомобилю, но в это время подбежали Руднев и Шер, автомобиль которых исчез. Решено было взять их с собой до Совета. Оттуда их в санитарной карете доставили в городскую думу.

В тот же день, 30 октября, условия возможного соглашения стали известны в районах. Благуше-Лефортовский военно-революционный комитет совместно с представителями районного штаба Красной гвардии и районного штаба военных частей потребовал включить в соглашение признание власти съезда Советов, временную передачу ее Московскому Совету, имея в виду и управление штабом округа, сдачу оружия и арест всех белогвардейцев. Судьба их должна быть решена съездом Советов или особо им уполномоченным правительством.

Такие же постановления выносились и войсковыми частями. Так, еще 29 октября, по получении сообщения о заключении перемирия, пленарное заседание представителей комитетов батареи 1-й запасной артиллерийской бригады постановило:

«Подчиниться приказу Военно-революционного комитета и прекратить военные действия, но в то же время... указать Военно-революционному комитету, что уступок при переговорах быть никаких не может, ибо спасение России и революции должно стоять выше интересов капиталистов» [1].

Аналогичные постановления выносились во всех районах.

Перемирие, объявленное в 12 часов ночи на 30 октября, в действительности не было соблюдено белогвардейцами.

В 6 часов 30 минут вечера 29 октября Рябцев отдал формальный приказ о прекращении всяких боевых действий. Однако за час до официального начала перемирия, в 11 часов ночи на 30 октября, начальник охраны белогвардейского штаба Никитского района отправил отряд юнкеров под командой прапорщика встретить «батальон смерти», прибывающий с фронта на Брянский вокзал, и очистить от большевиков путь для его следования. Арбат попрежнему находился в руках юнкеров. Отряд без препятствий дошел до Смоленского рынка. Это совпало уже с началом перемирия. Белогвардейцы послали разведку к Бородинскому мосту, охраняемому двадцатью красногвардейцами. Разведчики выдали себя за солдат 193-го полка, прошли на Брянский вокзал и направились обратно на Смоленский рынок. Охраняющие мост красногвардейцы, захваченные врасплох, встретили белых огнем, но юнкера и офицеры окружили их, двух сбросили в реку, шестерых убили, а двенадцать красногвардейцев взяли в плен. Оставив на мосту пост для встречи ожидаемого «батальона смерти», белогвардейцы напали на 2-й Хамовнический комиссариат милиции, с боем его заняли, забрали здесь десять человек в плен и захватили восемнадцать берданок.

В 6 часов 25 минут утра на Брянском вокзале высадился ожидавшийся «батальон смерти» — сто семьдесят шесть человек. Он беспрепятственно прошел до Смоленского рынка, где был встречен отрядом юнкеров и направлен в Александровское военное училище.

Известие о налете юнкеров и о прибытии батальона ударников поставило на ноги весь Хамовнический район

[1] МАОР. Фонд Московского военно-революционного комитета. Дело № 48/48, лист 1.

Районный военно-революционный комитет направил на Брянский вокзал полуроту 193-го пехотного запасного полка под командой прапорщика-большевика Сулацкого. Вокзал был занят 30 октября в 10 часов вечера. Викжелевцы и комендант станции протестовали и угрожали вызвать юнкеров. Председатель полкового комитета приказал солдатам оставаться до распоряжения военно-революционного комитета.

Прибывший в этот день на Брянский вокзал еще один отряд солдат-ударников сдался занимавшим вокзал красногвардейцам. Солдаты заявили, что их обманули и отправили в Москву под предлогом получения обмундирования. Узнав о том, что здесь идет борьба между солдатами и юнкерами, ударники передали себя в распоряжение Хамовнического военно-революционного комитета.

Одновременно с налетом на Хамовники и Брянский вокзал юнкера в районе Никитских ворот начали занимать позиции на так называемой нейтральной зоне, которая была определена специальной комиссией. Они повели наступление на позиции красных от Никитских ворот по Тверскому бульвару. Артиллерийским огнем от памятника Пушкина юнкера были отброшены назад, и Красная гвардия в тот же день, 30 октября, заняла старые позиции.

В Городском районе возмущение красногвардейцев и солдат вероломством белых вылилось в форму решительного наступления на Центральную городскую телефонную станцию. В Лефортове наступление на Алексеевское военное училище закончилось: юнкера сдались 30 октября в 12 часов дня.

В училище были взяты тринадцать пулеметов, много винтовок и других боевых припасов.

В бою у Алексеевского училища погиб старый большевик — рабочий П. П. Щербаков. В годы войны он был секретарем районного комитета большевиков, в конце 1915 года арестован вместе с товарищем Молотовым, работавшим тогда в Москве, и сослан в Иркутскую губернию. По возвращении из ссылки Щербаков организовывал текстильщиков Лефортовского района. В качестве санитара он ушел в бой с небольшим отрядом красногвардейцев.

Цель ультиматума Викжеля стала ясна всем: под прикрытием переговоров обмануть бдительность московских рабочих и солдат, чтобы подтянуть резервы, занять выгод-

ные позиции и нанести московскому пролетариату решительный удар.

Попытки белых не увенчалась успехом. Неослабная бдительность и революционная инициатива рабочих и солдатских масс разбили планы контрреволюции. В то же время разоблачение вероломных замыслов соглашателей заставило умолкнуть и сторонников «бескровного» окончания восстания. В дальнейшем последние пытались лишь противодействовать широкому применению артиллерийского огня.

Нарушение перемирия белогвардейцами вызвало возмущение и в провинции. В Москву ежедневно стали прибывать красногвардейские и солдатские отряды, идущие на помощь московскому пролетариату и гарнизону.

Военно-революционный комитет отверг продление перемирия, отказался принять проект соглашения Викжеля и послал в 11 часов 55 минут ночи на 31 октября в «комитет общественной безопасности» следующую телефонограмму:

> «Сегодня в 12 часов (ночи) кончается перемирие. Викжель предложил продолжить его на 12 часов. Ввиду того, что то соглашение, которое было принято (согласительной комиссией), принципиально и по форме (пункты 2, 4, 5 и 6), неприемлемо, перемирие продолжено быть не может. В случае если вами будет признано необходимым и желательным продолжить перемирие, то сообщите по телефону 2-23-14. Переговоры возможны лишь на основании платформы, принятой Советами в последней резолюции. Письменное изложение настоящей резолюции будет прислано сегодняшней ночью через Викжель» [1].

Приводим и резолюцию, о которой идет речь в этой телефонограмме:

«КОМИТЕТУ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Военно-революционный комитет ставит необходимым условие прекращения боевых действий (мира) следующее:

1. Вся власть в Москве переходит в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, кото-

[1] МАОР. Фонд Моссовета «Бюллетень комитета общественной безопасности» № 4, 31 декабря 1917 г.

рые выдвигают полновластный орган в составе 7 (семи) представителей от Совета рабочих и солдатских депутатов (пропорционально фракциям) и по одному представителю от Совета крестьянских депутатов (1), губернского Совета рабочих депутатов (1), Московской городской думы (1), земства (1), Совета районных дум (1), Центрального бюро профессиональных союзов (1), союза городских рабочих и служащих (1), Красной гвардии (1), Всероссийского железнодорожного союза (1) и Почтово-телеграфного союза (1), всего 17 (семнадцать).

Этот орган утвержден на первом пленарном собрании Совета рабочих и солдатских депутатов и существует впредь до организации власти Учредительным собранием.

2. Разоружение юнкеров и белой гвардии, причем Военно-революционный комитет гарантирует им свободу и неприкосновенность личности (Принято единогласно)» [1].

Убедившись в провале своих расчетов, контрреволюция предпринимает еще одну попытку оттянуть момент своего разгрома.

В ночь на 31 октября, то есть уже после срыва перемирия, по инициативе «комитета общественной безопасности» состоялось совещание представителей меньшевиков, объединенцев, «левых» эсеров, Бунда, Исполнительного комитета Совета солдатских депутатов старого состава и меньшевистского областного бюро Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Это совещание объявило себя «объединенным инициативным органом». Оно решило воздействовать на борющиеся стороны для прекращения дальнейшего кровопролития и образовать в Москве — вместо «подлежащих немедленной ликвидации» Военно-революционного комитета и «комитета общественной безопасности» — особый орган власти.

Контрреволюция рассчитывала с помощью соглашателей и «нейтральных» организаций выиграть время, так как она все еще не теряла надежды на прибытие подкрепления с фронта.

---

[1] Очерки по истории союза 1917 г. Сборник комиссии по изучению истории профессионального движения на транспорте. Москва Истпрофтран. 1924 г., стр. 115—116.

31 октября этот «инициативный орган» направил своих делегатов — меньшевиков и объединенцев — в Военно-революционный комитет, а «левых» эсеров — в думу с целью «вмешаться в борьбу». Однако Военно-революционный комитет не стал с ними разговаривать.

В тот же день, 31 октября, в Военно-революционный комитет явилась делегация Совета крестьянских депутатов, предложившая свою платформу для заключения соглашения о прекращении боевых действий. Эта платформа была близка к той, которую отстаивал Военно-революционный комитет.

Делегаты Совета крестьянских депутатов заявили, что они не давали своему представителю в «комитет общественной безопасности» мандата на борьбу с советскими войсками.

На Совет крестьянских депутатов решающее влияние оказали декреты II съезда Советов и Совета народных комиссаров о земле и мире. Среди членов Совета произошел резкий перелом, обеспечивший провал эсеровского влияния.

Пока шли переговоры, штаб округа в поисках помощи принимал лихорадочные меры. Поручик Ровный не по инстанции, вне всякой очереди, умолял выслать из Калуги отряд вместе с броневиками. Если нельзя весь отряд, то хоть часть.

Второй помощник Рябцева, Кравчук, тайком выбрался из Москвы, доехал до Смоленска и отсюда стал допытываться у Ставки, где же кавалерия, которая была обещана к 30 октября. Кравчука связали с Духониным.

> «Положение московского отряда тяжелое, — докладывал Кравчук, — за отсутствием достаточного количества патронов и продовольствия. Настроение твердое и устойчивое. Патронные склады и продовольственные заняты большевиками. При моем отъезде формировался отряд для нападения на склады. Мне неизвестно, удалось ли его осуществить. Если нет, долго держаться отряд не может, и, весьма возможно, придется пробиваться из Москвы...
>
> Комитет спасения революции настоятельно просит самой спешной и энергичной поддержки» [1].

---

[1] Ставка и Московский комитет общественной безопасности в 1917 г. «Красный архив», 1933 г., том 6 (61), стр. 41.

Духонин сообщил в ответ, какие именно части направлены в Москву, и добавил, что на Румынском фронте создается специально для Москвы отряд в шесть батальонов с артиллерией. Кроме того, вновь послана просьба на Дон срочно выслать казаков.

«С вашей помощью отстоим Москву[1], — обрадованно заявил Кравчук.

Вечером 30 октября в городской думе состоялось многолюдное заседание. Были там: «комитет общественной безопасности», Исполнительный комитет Совета солдатских депутатов старого состава, Московский комитет партии эсеров, представители фракций думы. Собрание напоминало скорее похороны, чем политическое совещание. В мрачной тишине Руднев сообщил о неудаче переговоров. Дальнейшая борьба неизбежна, и вина за это падает на большевиков. Сам Руднев и некоторые выступавшие отмечали особо роль Викжеля. Представители Викжеля тут же на собрании заявили, что большевики не приняли их условия, а «комитет общественной безопасности» согласился с ними. Ввиду этого Викжель с настоящего момента активно будет выступать против большевиков и начнет беспрепятственно перевозить войска в Москву»[2].

Заявление Викжеля было встречено молчанием: все прекрасно понимали, что перевозка войск зависела вовсе не от этих случайных людей, которые, как пена во время прибоя, оказались на гребне революционной волны.

Вдруг потухло электричество: большевики лишили света районы, занятые белыми. Тусклый огонь свечей еще более оттенял похоронный характер совещания.

Белогвардейцы не получили помощи, а революционным войскам непрерывно шли подкрепления. Подошли моряки из Петрограда. В разгар юнкерского восстания в Петрограде и наступления на столицу войск Краснова — Керенского Ленин и Сталин нашли возможным выделить помощь Москве. 29 октября Ленин выступил в Петрограде на совещании представителей гарнизона. Рассказав о попытке юнкерского мятежа, Ленин сообщил о положении в Москве: «В Москве они (юнкера. — *Ред.*) взяли Кремль,

---

[1] Ставка и Московский комитет общественной безопасности в 1917 г. «Красный архив», 1933 г., том 6 (61), стр. 42.

[2] В Москве. Совещание. «Труд» № 181, 31 октября 1917 г.

а окраины, где живут рабочие и вообще беднейшее население, не в их власти».

По указанию Ленина в тот же день — 29 октября — пятьсот кронштадтских моряков были посланы специальным поездом на помощь московским революционным войскам. К вечеру 30 октября моряки прибыли в Москву и влились в ряды ее революционных борцов.

30 октября Свердлов направил из Петрограда в Москву группу специалистов для обслуживания радиостанции.

7

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПОСЛЕ ПЕРЕМИРИЯ

Боевые действия в 12 часов ночи на 31 октября открылись артиллерийской канонадой.

Два орудия Хамовнического района пытались — правда, вначале неудачно — обстреливать штаб округа на Пречистенке.

Три пушки в Пресненском районе начали обстрел Александровского военного училища. Поварской и Никитских ворот.

После сдачи Алексеевского военного училища орудия «Мастяжарта» стали действовать на других участках. Две 42-линейные гаубицы были поставлены у Андроньевского монастыря с заданием обстрелять Кремль. Но по просьбе Рогожского района их отправили к Крутицким казармам для обстрела 6-й школы прапорщиков — георгиевских кавалеров. Стрелять им там не пришлось. Около сотни юнкеров, увидев артиллерию, сдалось в 3 часа 30 минут 31 октября.

Те же два орудия были установлены на Швивой горке. Отсюда шел обстрел Малого Николаевского дворца и Спасских ворот в Кремле.

Грохот орудий и рвавшихся снарядов и прибытие подкреплений из провинции влили в красногвардейские и солдатские массы новую энергию.

Никитские ворота громила артиллерия со Страстной площади. Отряд, взявший градоначальство, повел наступление по Тверскому бульвару. Задача: захватить дом Гагарина в конце бульвара. Прикрытий не было. Сквозь голые

деревья бульваров видно, как мечутся и разбегаются юнкера после каждого выстрела из пушки.

Красногвардейцы попросили артиллеристов прекратить стрельбу. Стало тихо. Стрекотал только юнкерский пулемет. Вдруг красный отряд поднялся и бросился вперед Юнкера усилили огонь. Ряды наступавших поредели, но остальные с криками «ура» мчались дальше. Казалось, штурмует не сотня, а тысячи. Юнкера не выдержали атаки. Дом был занят. Часть юнкеров попала в плен. Другие отступили и закрепились в домах на Большой Никитской. Занятый дом юнкера осыпали градом пуль. К окнам нельзя было подступить. Много красногвардейцев оказалось ранеными, а под руками нехватало перевязочных средств. Спустились вниз. Около дома лежало с десяток убитых и раненых. Сидела группа солдат. Одни курили, другие ели шоколад, захваченный у юнкеров, и слушали игру на гармошке. В первом этаже дома красная артиллерия разбила музыкальный магазин, откуда солдаты достали гармошку. Кто-то запротестовал против игры, но другие, лежа в цепи и продолжая стрелять, потребовали:

— Играй! Играй! Веселей будет умирать за Советы.

Установив два пулемета на верхнем этаже, красные удерживали за собой гагаринский дом.

Рождественка была вся занята красногвардейскими отрядами, вплоть до Театрального проезда. Самокатчики, занявшие Малый театр, повели обстрел городской думы, где заседал «комитет общественной безопасности». Большая Дмитровка тоже была в руках красных, засевших в доме № 2 на углу Большой Дмитровки и Охотного ряда.

Лефортовскому и Рогожскому районам, покончившим с юнкерами, штаб Центрального военно-революционного Комитета дал приказ перейти в общее наступление. Лефортовцы отправили около четырехсот пятидесяти человек на поддержку наступления в центре и на городскую телефонную станцию; рогожско-симоновцы стали наступать по направлению к Лубянской площади.

Продвижение красногвардейских отрядов по улицам происходило под обстрелом засевших в домах белогвардейцев — одиночек и охранных дружин, организованных домовыми комитетами. Приходилось производить обыски подозрительных домов. Все это очень замедляло продвижение отрядов. Военно-революционный комитет опубликовал

приказ, обязывающий домовые комитеты сдать все имеющееся у квартирантов оружие в районные Советы рабочих депутатов.

По приказу штаба Военно-революционного комитета артиллеристы открыли из стоявшего у Совета орудия огонь по гостинице «Националь». Под прикрытием этого огня были направлены два отряда по пятьдесят человек каждый: один — с заданием занять гостиницу «Националь», другой — продовольственное отделение городской управы, помещавшееся на углу Тверской и Охотного ряда.

Из Кимр — Савелова большевистский комитет прислал делегатов с предложением выступить на помощь Москве. Выяснилось, что в Савелове имеются броневики. За ними немедленно был командирован старый большевик В. В. Артишевский, который 1 ноября привел оттуда две броневые машины. Требование на два броневика было послано и Казанскому военно-революционному комитету.

В Дорогомилове отряд красногвардейцев 31 октября вновь занял мост. Дорогомиловцы послали в Московский Совет за оружием товарища М. И. Шломина — рабочего-большевика. На Смоленском рынке юнкера задержали грузовик, стащили с него Шломина и расстреляли»[1].

Наиболее тяжелые бои происходили на Остоженке и Пречистенке. Наступать было трудно. Юнкера обстреливали улицы из пулеметов. Все время моросил дождь. Неглубокие окопы залило. Красногвардейцы лежали в грязи и воде. Они по очереди уходили греться в чайную, где были перевязочный пункт и продовольственная база. Уходивших заменял Андреев, мальчик лет тринадцати-четырнадцати, сын кузнечного мастера завода Михельсона. Он ни за что не хотел уходить из окопа. Небольшого роста, Андреев мог бегать по окопу не сгибаясь. Он стрелял по очереди из оставшихся винтовок, чтобы показать юнкерам, что окопы не пусты. Как-то Андреев уронил винтовку за бруствер окопа. Он мигом вскочил на бруствер. Юнкера заметили его и изрешетили из пулемета. Три дня боролся маленький герой со смертью. Когда товарищи по окопу навестили его, он встревоженно спросил:

— Ну как? Взяли штаб? Разбили юнкеров?

---

[1] Братская могила. Биографический словарь умерших и погибших членов московской организации РКП. Выпуск I. Москва. 1922 г., стр. 188.

Ему ответили: «Да». Забыв про раны, мальчик радостно крикнул «ура» и с улыбкой умер.

Юнкера, сжимаемые со всех сторон, пытались прорваться к Брянскому и Александровскому вокзалам через Пресню. Они знали, что на вокзалах высаживаются ударники. После упорного боя юнкера захватили Кудринскую площадь. Белые заняли Садово-Кудринскую и Сенную площадь, создав угрозу обхода. Пресненский военно-революционный комитет решил перегруппировать отряды и подтянуть свежие силы для нового наступления.

По всем районным штабам Военно-революционный комитет разослал распоряжение прислать всех свободных бойцов.

Из мызы Раево прибыло пятьсот красногвардейцев и четырнадцать бомбардиров с бомбами. Мыза Раево расположена в семнадцати километрах от Москвы. Там находились базисные огнесклады. Их обслуживало около восьми тысяч солдат. Как только в Раеве узнали о борьбе в Москве, большевики создали военно-революционный комитет. Рядом, в Перловке, стояла 84-я дружина, охранявшая склады. Группа большевиков приехала в дружину, объявила командиров арестованными и под угрозой окружения раевским гарнизоном потребовала сдать оружие. Командиры поверили и выдали восемьсот берданок. Ими вооружили солдат мызы Раево. Всего на помощь Москве из Раево пришло до тысячи человек. Отсюда же шло снабжение столицы снарядами.

В тот же день, 31 октября, Военно-революционный комитет приказал Серпуховскому Совету рабочих и солдатских депутатов прислать триста бойцов, Ржевскому — «сколько возможно» пулеметов и солдат. Подольскому Совету — тысячу красногвардейцев [1]. Нужны были силы для решительной атаки.

31 октября и Ставка проявила исключительную энергию в поисках войск на помощь Москве. Из Черкасс вызвали три батальона ударников, но оказалось, что они уже ушли в Киев на подавление большевистского восстания. Взамен ушедших Ставка потребовала три других батальона, по одному от каждой армии Юго-западного фронта.

Скоро узнали, что в Черкассах стоит какой-то Сибирский революционный батальон. Приказали грузить его.

---

[1] К истории Московского военно-революционного комитета. «Красный архив», 1932 г., том 5—6 (54—55), стр. 133.

Кто-то сообщил, что при 73-й дивизии есть штурмовой батальон.

Ставка перебирала фронты, армии, даже отдельные дивизии, пытаясь хоть что-нибудь подбросить Рябцеву. Но отовсюду приходили одни и те же сведения: если и можно погрузить, то нельзя протолкнуть эшелоны через Оршу или Вязьму. Гарнизоны узловых станций под Москвой не пропускали войск на помощь Рябцеву. Напротив, отряды красногвардейцев и солдат на помощь восставшим быстро проталкивались вперед. Угроза Викжеля осталась на бумаге: низы железнодорожников через голову руководителей помогали революции.

8

РАЗГРОМ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

С утра 1 ноября боевые действия во всех районах Москвы развивались блестяще. Этот день стал днем решающей победы советских войск.

Прежде всего была взята телефонная станция в Милютинском переулке. Высокое, похожее на крепость здание, с редкими окнами, хорошо было приспособлено к обороне. Белые перегородили улицу баррикадой, забили вход в станцию дровами, железными воротами. Из пулеметов и винтовок юнкера открывали такой частый огонь, что подойти к станции не было возможности. Снабженные достаточным запасом продовольствия и патронов юнкера могли выдержать многодневную осаду. Внутри станции сотрудники продолжали работать, поддерживая связь с центром.

Усиевич, осаждавший станцию, послал в штаб за артиллерией. На рассвете 1 ноября красногвардейцы установили бомбомет на церковной колокольне и начали обстрел верхних этажей станции. Первая бомба упала на крышу, вторая — через окно влетела в комнату. Посыпались стекла. Обрушилась штукатурка. Многие юнкера получили ушибы, были раненые. Юнкера вывесили белый платок. Усиевич предъявил им требование безусловной сдачи, гарантируя личную безопасность.

Через десять минут юнкера и офицеры стали выходить и складывать оружие.

В 5 часов утра 1 ноября штаб Военно-революционного комитета отправил три отряда по пятьдесят человек на Театральную площадь: один — в Малый театр, второй — в Большой театр и третий — в гостиницу «Централь» на Петровке.

У Большого театра было установлено трехдюймовое орудие для обстрела городской думы.

Стоявший в Охотном ряду отряд в 5 часов утра, получив подкрепление, занял гостиницу «Континенталь». Это дало возможность установить второе орудие в проезде Большого театра. Из него начали обстрел гостиницы «Метрополь».

Красные части появились уже почти под стенами Кремля. На противоположной стороне Москвы-реки отряды Замоскворечья все время держали под огнем своих пулеметов и винтовок зубцы кремлевских стен.

Юнкера за толстыми стенами Кремля были в безопасности.

Большую роль в штабе Замоскворечья играл П. К. Штернберг, крупный, европейски известный ученый, профессор астрономии Московского университета. Штернберг примкнул к большевикам в 1905 году.

Получив назначение в военно-революционный комитет Замоскворечья, Штернберг горячо принялся за работу. Необычайно мягкий, отзывчивый, он тяжело переживал страдания раненых. Его глубоко штатский вид, общий облик старого интеллигента вызывали удивление, когда он появлялся на позиции. Но под внешней оболочкой мягкости скрывалось мужественное сердце революционера. Личным примером вдохновлял он красногвардейцев на самопожертвование, проявлял исключительную твердость и решительность.

В штабе неоднократно обсуждали, как взять Кремль. Был и такой план, предложенный рабочими завода Михельсона: ночью на лодках доплыть до устья речки Неглинки, как известно, протекающей у Кремля в подземной трубе, пробраться по трубе в Кремль и взять его приступом. Все же остановились на бомбардировке Кремля.

В то же утро в помещении Московского военно-революционного комитета состоялось совещание районных штабов. Совещание требовало использовать против белых все технические средства, вплоть до метания бомб с аэропланов, начать решительные действия против юнкеров в

Кремле и Александровском училище. Военно-революционный комитет принял план наступления, запретив, однако, метать бомбы с аэропланов и орудийный обстрел думы. На Воробьевы горы был отправлен 7-й тяжелый украинский дивизион, который до сих пор занимал нейтральную позицию.

1 ноября к артиллерии, которая бомбила Кремль со Швивой горки, прибавилась тяжелая артиллерия.

Утром 1 ноября и Пресня перешла в наступление.

Пресненские артиллеристы стали обстреливать отдельные дома, в которых укрепились белые. Военно-революционный комитет дал распоряжение обстреливать только вполне определившиеся юнкерские базы, чтобы избежать разрушения города и лишних жертв. К 11 часам утра красногвардейцы вернули Сенную и Кудринскую площади. На Кудринской срочно возвели баррикады для защиты от нападений со стороны Новинского бульвара.

От Центрального военно-революционного комитета получено было предписание занять весь район до Никитских ворот и соединиться с отрядом, действующим там.

В районе утром 1 ноября положение осложнилось пожаром в гагаринском доме. Его занимала Красная гвардия. Причина пожара осталась невыясненной. Он начался в находившейся в этом доме аптеке.

Юнкера использовали пожар и отбросили красный отряд, заняв пекарню Бартельса на углу Большой Никитской и проезда Тверского бульвара. Бои в этом районе отличались большой напряженностью. Неоднократно происходили встречные штыковые атаки. Военно-революционный комитет послал отряд в сто человек. К вечеру 1 ноября красногвардейцы занимали одну сторону Никитской улицы, вправо и влево от горящего здания.

После взятия телефонной станции красногвардейцы Городского района с двумя пулеметами повели наступление на Китай-город и заняли Политехнический музей. Юнкера, охранявшие Никольские, Владимирские, Ильинские и Варварские ворота, не позаботились об охране Проломных ворот в Китай-городе. Заняв Проломные ворота, красногвардейцы фланговым огнем выбили юнкеров первоначально из Владимирских ворот, а затем из Ильинских и Никольских.

В 8 часов вечера продвижение красногвардейцев по Ильинке и Никольской еще продолжалось.

Рогожско-Симоновский район, занявший позиции вдоль китайгородской стены от Москвы-реки до Политехнического музея, взял Варварские ворота и повел наступление по Варварке.

Хамовнический район, продвинувшись через Плющиху и прилегающие переулки, стал наступать по Смоленскому бульвару и Левшинскому переулку. Успешно шел орудийный обстрел 5-й школы прапорщиков. Однако неожиданное появление на Смоленском рынке блиндированного грузовика с юнкерами заставило красногвардейцев отступить.

На Остоженке и Пречистенке бои шли с прежним упорством: юнкера отчаянно защищали подступы к штабу округа и Александровскому училищу — центру сопротивления. Борьба принимала затяжной, позиционный характер. Красные отряды были изнурены, устали от бессменных боев. На красногвардейцев, не привыкших к длительным операциям, затяжка действовала удручающе. Замоскворецкий революционный комитет направлял сюда лучших бойцов. Позицию на Остоженке защищал молодой, двадцати трех лет, Петр Добрынин, рабочий телефонного завода, большевик. Веселый, жизнерадостный, он ходил по окопам, внося уверенность в ряды бойцов. Его голову с львиной гривой волос красногвардейцы видели непрерывно. Казалось, он не знал сна. В одном из боев Добрынин был ранен пулей в плечо навылет, но не покинул позиции. Добрынин продолжал командовать участком, своим упорством и мужеством заражая красногвардейцев. Опасаясь обхода юнкеров, он сам ходил в разведку, проникая в тыл юнкерам. В одной из таких разведок его убили. Тело героя разыскали только после разгрома белых.

Тут же на Остоженке погибла Люсик Люсинова (Лисинян), курсистка Коммерческого института, один из организаторов союза рабочей молодежи «Третий Интернационал».

Во время боев в Замоскворецком районе Люсинова перевязывала раненых, под пулями ходила с донесениями, принимала сводки. Узнав о тяжелом положении на Остоженке, она решительно заявила:

— Я иду к нашим на Остоженку.

В час дня 1 ноября пуля юнкера сразила самоотверженную девушку, полную горячей любви к делу пролетариата.

Белым не удалось выбить красногвардейцев из окопов.

К ночи 1 ноября линия фронта проходила через конец Плющихи и Неопалимовского переулка, захватывала часть Смоленского бульвара от Неопалимовского переулка до Зубовской площади. Дальше она пересекала Пречистенку у каланчи и Остоженку у Коробейникова переулка.

К исходу дня 1 ноября общая картина была такова: продолжалось наступление красногвардейцев на Красную площадь и городскую думу. Юнкера занимали одну сторону Никитской улицы, Никитский бульвар и Арбат. Пречистенка и Остоженка, где находилась их база—штаб округа, были ими заняты до линии фронта Хамовнического района. Замоскворечье сдерживало попытки юнкеров прорваться на ту сторону Москвы-реки и посылало подкрепления своим отрядам, которые дрались с юнкерами штаба военного округа. Красногвардейцы, наступая переулками от Поварской и Пречистенки, пытались занять хотя бы небольшой участок на Арбате, чтобы прервать сообщение между Александровским военным училищем и 5-й школой прапорщиков.

1 ноября Военно-революционный комитет продолжал вызов подкреплений, готовясь к решительной атаке. Шуйскому военно-революционному комитету приказано было выслать пятьсот солдат в полном вооружении и снаряжении. Тверскому — грузить 57-й и 196-й пехотные запасные полки, а также тяжелый артиллерийский дивизион.

Из Мытищ прибыл отряд в девяносто человек, из Кольчугина — сто восемьдесят. Их отправили в Сокольнические мастерские поужинать и отдохнуть, после чего они должны были выйти на позиции.

Первого же ноября на Курский вокзал прибыл эшелон, в котором находились солдаты: из Коврова четыреста человек 250-го пехотного запасного полка с десятью пулеметами, из Александрова триста человек 197-го полка, из Владимира семьдесят человек 82-го пехотного запасного полка. Из Старицы прибыло триста пятьдесят сапер, сто человек из них направили в Замоскворецкий район.

Пополнения шли непрерывным потоком. Казалось, вся область поднялась против белых!

Сведения о массовом подъеме попадали в лагерь контрреволюции. Звонили по телефонам, прибегали свидетели, наблюдавшие высадку красных, викжелевцы передавали списки прибывших вагонов. Особенно угнетающе действо-

вала на белых тяжелая артиллерия. Размеренно, через определенные промежутки времени, раздавался пушечный гул, потрясая здания Кремля.

В рядах белой гвардии росло убеждение в своей обреченности, никчемности борьбы. Офицеры не выдерживали нервного напряжения. О победе уже не мечтали. Старались спасти жизнь. На сцену вновь выползли соглашатели, на этот раз самые «левые». Уже одно появление этих ходатаев по делам белых говорило, что разгром юнкеров близок. Не без ведома «комитета общественной безопасности» в ночь на 2 ноября в комнате Военно-революционного комитета появилась делегация от объединенцев и «левых» эсеров.

Она поставила вопрос о немедленном перемирии и создании временного комитета в составе 40% большевиков, 40% оборонческих партий и 20% меньшевиков-интернационалистов. Эта делегация утверждала, будто бы в Петрограде уже достигнуто такое соглашение между социалистическими партиями.

Военно-революционный комитет предложил соглашение, по которому юнкера должны быть разоружены, вся власть переходит к Советам, создается орган власти в составе Военно-революционного комитета, пополненного представителями других организаций, — всего семнадцать человек.

Делегация ушла с тем, чтобы передать эти условия «комитету общественной безопасности».

Однако последний под влиянием боевых успехов революционных войск и Красной гвардии решил сдаться до прихода посредников.

Положение в «комитете общественной безопасности» и его штабе было безнадежным. Среди юнкеров произошел определенный раскол. Раскол был и в самом штабе белогвардейцев. Там определилось течение против Рябцева, которого обвиняли в нерешительности и соглашательстве с Советами.

С другой стороны часть юнкеров поняла, что «комитет общественной безопасности» их обманывает. Этому в значительной мере помогла группа из числа сдавшихся в Лефортове юнкеров Алексеевского военного училища. Они явились в Замоскворечье в Партийный центр с предложением отправиться в Александровское военное училище, чтобы убедить юнкеров в бесцельности дальнейшей борьбы. Делегация эта 1 ноября была доставлена в Алексан-

дровское училище и возвратилась оттуда как раз в момент переговоров Военно-революционного комитета с делегацией объединенцев и «левых» эсеров.

В результате среди юнкеров получился еще более резкий раскол, чем в руководстве «комитета общественной безопасности».

Решительное наступление красных и артиллерийский обстрел юнкерских гнезд ускорил этот внутренний развал.

В 6 часов утра 2 ноября Руднев, не дождавшись возвращения «левых» ходатаев, прислал Военно-революционному комитету письмо о капитуляции. «Комитет общественной безопасности» заявлял, что

> «при данных условиях он считает необходимым ликвидировать в Москве вооруженную борьбу против политической системы, осуществляемой военно-революционным комитетом, перейдя к методам борьбы политическим и предоставляя будущему разрешение в общегосударственном масштабе вопроса о конструкции власти в центре и на местах»[1].

Через час по получении письма Руднева, в 7 часов утра, в Военно-революционный комитет явилась новая делегация от шести «социалистических» партий во главе со Ст. Вольским. Ее цель была добиться смягчения условий сдачи. Делегация использовала все средства давления на членов Военно-революционного комитета. Она взывала к милосердию, угрожала судом истории, говорила о каких-то уступках в Петрограде, рисовала картины ужаса, в которых виноваты большевики.

Когда «комитет общественной безопасности» предъявил Военно-революционному комитету свой ультиматум, когда юнкера расстреливали солдат в Кремле, представители этих же «социалистических» партий бежали из Совета в белогвардейский стан. При победе пролетарской революции они явились защищать белогвардейцев.

Под давлением делегации Смирнов, впоследствии оказавшийся врагом народа, от имени Военно-революционного комитета предложил следующий проект:

> «1. Комитет общественной безопасности прекращает свое существование.

---

[1] ЦАОР. Фонд Московского военно-революционного комитета. Дело № 643/46 д., лист 1.

2. Юнкера и белая гвардия разоружаются.

Офицеры остаются при присвоенном им оружии, причем Военно-революционный комитет гарантирует им свободу и неприкосновенность личности.

3. Для вопроса о способе осуществления сдачи организуется комиссия из представителей Военно-революционного комитета и представителей организаций, принимавших участие в посредничестве.

4. В случае принятия сторонами вышеуказанных пунктов Военно-революционный комитет немедленно отдает приказ о прекращении артиллерийской стрельбы» [1].

2 ноября утром Военно-революционный комитет в неполном составе принял этот соглашательский проект большинством голосов.

Пока в Совете шла разработка условий сдачи, боевые действия не приостанавливались ни на одну минуту. Тяжелая артиллерия посылала в Кремль снаряд за снарядом. Красногвардейцы с боем гнали юнкеров к Кремлю.

В 10 часов 55 минут утра 2 ноября гостиница «Метрополь» была очищена от юнкеров. Полностью занят Китай-город наступающими на него красногвардейцами. Освободившиеся после взятия «Метрополя» отряды в третьем часу дня заняли городскую думу и Исторический музей, откуда юнкера и «комитет общественной безопасности» еще в 3 часа утра 1 ноября из-за артиллерийского обстрела ушли в Кремль.

В этих операциях принимали деятельное участие и так называемые «волжские» части — свежие подкрепления, прибывшие из Владимира, Шуи, Александрова и Коврова во главе с М. В. Фрунзе, который лично руководил боевыми операциями против белых на Лубянке, при взятии гостиницы «Метрополь», городской думы и Кремля. Для подкрепления революционных сил московского пролетариата из Петрограда был направлен боевой отряд Красной гвардии и революционных матросов во главе с членом военной организации при ЦК РКП(б). 31 октября в распоряжение штаба Красной гвардии и военно-революционного комитета Городского района прибыл отряд петроградских красногвардейцев, которые немедленно по прибытии

---

[1] ЦАОР. Фонд Московского военно-революционного комитета. Дело № 643/46. лист 1.

в Москву заняли боевые позиции в районе Сухаревской площади. 31 октября по распоряжению Ленина и Сталина из Петрограда выехали в Москву две тысячи красногвардейцев и моряков. Рано утром 1 ноября они прибыли в Москву и приняли участие в боевых операциях. Выступая на заседании Центрального Комитета партии большевиков, Ленин говорил: «Разговаривать с Викжелем теперь не приходится. Нужно отправить войска в Москву» [1].

Выступив вторично на этом же заседании, Ленин говорил: «Нужно притти на помощь москвичам, и победа наша обеспечена» [2].

Прибытие петроградских красногвардейцев и моряков ускорило разгром белогвардейцев в Москве.

Юнкера обстреливали из Кремля пулеметным огнем «Метрополь» и Охотный ряд. Для того чтобы прекратить этот обстрел, орудие с Лубянской площади стало бить по Спасской башне Кремля. Одновременно по башне начали стрелять и орудия «Мастяжарта» с Швивой горки. Один из снарядов попал в башню. Кремлевские часы остановились. Пулемет замолчал.

В 2 часа 37 минут 2 ноября Кремль был окружен советскими войсками. Артиллерия в упор била по Никольским воротам.

К 7 часам вечера заняты были Верхние торговые ряды. На Большой Никитской до темноты происходила перестрелка между юнкерами и красногвардейцами, засевшими на противоположных сторонах улицы.

Со стороны Кудринской площади Красная гвардия продвинулась по Поварской и Бронной до Никитских ворот.

В Хамовническом районе юнкера пытались прорваться к Брянскому вокзалу, но встретили сильный отпор. В переулках по обе стороны Арбата стычки с юнкерами прекратились.

Отряды Замоскворечья перешли в наступление по Каменному мосту и заставили юнкеров отступить. Красногвардейцы взяли штаб округа на Пречистенке. Перед атакой штаба красногвардеец Николай Сычев, обвесив себя ручными гранатами, штук до тридцати, взобрался по телефонному столбу на крышу дома.

---

[1] Ленин В. И. Выступления на заседании ЦК РСДРП(б) 14 (1) ноября 1917 г. Протокольная запись. Сочинения, том XXII, стр. 35.

[2] Там же.

По чердакам и крышам домов он подполз к самому штабу округа и стал сверху кидать гранаты в окна. Паника среди юнкеров ускорила падение штаба.

Бойцы Замоскворечья выбили белых из храма Христа. Юнкера бежали в Александровское училище.

Белый штаб запросил пощады и начал в свою очередь переговоры о сдаче.

9

КАПИТУЛЯЦИЯ БЕЛЫХ

Военно-революционный комитет поручил Смидовичу и Смирнову ведение переговоров. На свой страх и риск делегаты пошли еще на ряд уступок по сравнению с теми, что утром были предложены «комитету общественной безопасности». В договор был включен новый пункт, 5-й, который гласил:

> «По подписании соглашения все пленные обеих сторон немедленно освобождаются» [1].

Ухудшены были формулировки второго и третьего пунктов: в пункте втором добавлено о сохранении в юнкерских училищах оружия, нужного для обучения, а пунктом третьим представители командного состава белогвардейцев вводились в комиссию по разрешению способа разоружения юнкеров. Вот договор в его окончательном виде:

«2 ноября сего года в 5 часов вечера.

1. Комитет общественной безопасности прекращает свое существование.

2. Белая гвардия возвращает оружие и расформировывается. Офицеры остаются при присвоенном их званию оружии. В юнкерских училищах сохраняется лишь то оружие, которое необходимо для обучения. Все остальное оружие юнкерами возвращается. Военно-революционный комитет гарантирует всем свободу и неприкосновенность личности.

3. Для разрешения вопроса о способах осуществления разоружения, о коем говорится в пункте

---

[1] ЦАОР. Фонд Московского военно-революционного комитета. Дело № 643/46. лист 1.

втором, организуется комиссия из представителей Военно-революционного комитета, представителей командного состава и представителей организаций, принимавших участие в посредничестве.

4. С момента подписи мирного договора обе стороны немедленно дают приказ о прекращении всякой стрельбы и всяких военных действий, с принятием решительных мер к неуклонному исполнению этого приказа на местах.

5. По подписании соглашения все пленные обеих сторон немедленно освобождаются» [1].

Когда Смидович и Смирнов ознакомили Военно-революционный комитет с окончательным текстом договора, на заседании уже присутствовало большинство членов Партийного центра и те члены Военно-революционного комитета, которых не было на утреннем заседании. Договор вызвал резкие возражения со стороны целого ряда товарищей. Прения длились очень недолго. И если договор все же был утвержден, то только потому, что он содержал в себе главное: признание советской власти в Москве и поражение белогвардейцев.

В 9 часов вечера 2 ноября Военно-революционный комитет издал следующий приказ:

«Всем войскам Военно-революционного комитета.

Революционные войска победили. Юнкера и белая гвардия сдают оружие. Комитет общественной безопасности распускается. Все силы буржуазии разбиты наголову и сдаются, приняв наши требования.

Вся власть—в руках Военно-революционного комитета.

Московские рабочие и солдаты дорогой ценой завоевали всю власть в Москве.

Все на охрану завоеваний новой рабочей, солдатской и крестьянской революции!

Враг сдался.

Военно-революционный комитет приказывает прекратить всякие военные действия (ружейный, пулеметный и орудийный огонь).

С прекращением военных действий войска Советов

[1] ЦАОР. Фонд Московского военно-революционного комитета. Дело № 643/46, лист 1.

остаются на своих местах до сдачи оружия юнкерами и белой гвардией особой комиссии.

Войскам не расходиться до особого приказа Военно-революционного комитета»[1].

В районах знали, что идут переговоры о сдаче юнкеров, но массы, наученные опытом перемирия 29—30 октября, не верили в искренность белых. 3 ноября боевые стычки кое-где продолжались.

В каком положении оказались некоторые юнкерские части, разбросанные по всему городу, показывает обращение в штаб белых штабс-капитана Мыльникова. 3 ноября он находился на Арбате и запрашивал о положении дел, возмущаясь тем, что, будучи на позиции, он не имеет сведений об обстановке боя.

В 10 часов 35 минут утра 3 ноября Смоленский рынок целиком был в руках красногвардейцев. Тут же были устроены засады для задержки юнкеров, пытавшихся после подписания договора о сдаче бежать из Москвы через Брянский вокзал.

3 ноября утром 5-я школа юнкеров сдалась. К рассвету 3 ноября был занят и Кремль.

Его заняли красногвардейцы после прекращения артиллерийского обстрела в 3 часа утра 3 ноября. До этого времени туда проникали только отдельные красногвардейцы.

Взятием Кремля была завершена победа в Москве.

Началась приемка сдавшихся офицеров и юнкеров.

Массы были возмущены тем, что офицерам оставили оружие, гарантировали свободу и личную безопасность всем контрреволюционерам, то есть оставили безнаказанными все их действия и освободили всех пленных белогвардейцев и юнкеров.

3 ноября в Военно-революционном комитете собрались представители районных комитетов. Они потребовали аннулирования договора, заключения под стражу юнкеров и белогвардейцев и расстрела главарей контрреволюции.

Рабочие и солдаты, в течение шести суток сражавшиеся на улицах Москвы с юнкерами, сразу же исправили ошибки руководителей восстания: офицеры не только не остались «при присвоенном их званию оружии», но их и юнке-

[1] ЦАОР. Фонд Московского военно-революционного комитета. Дело № 239/239, лист 1.

ров после разоружения пришлось во избежание самосуда отправлять в тюрьму. Уже оттуда их выпускали на основании договора. При освобождении арестованных приходилось даже переодевать в солдатские шинели, чтобы массы их не растерзали.

В местах разоружения юнкеров и офицеров скопились громадные толпы рабочих и солдат. Они очень враждебно отнеслись к нейтральным комиссарам и даже к уполномоченным Военно-революционного комитета, которые выполняли пункты договора о разоружении и освобождении офицеров и юнкеров.

Вот как описывает картину возмущения масс меньшевистский автор в газете «Вперед»:

> «Прибыв в Александровское училище с утра 3 ноября, я застал чрезвычайно серьезную картину. На улицу стекались группы различных частей, как воинских, так и вольных, чрезвычайно недисциплинированных, которые шумно и страстно требовали немедленного ареста и даже избиения юнкеров и офицеров. Они грозили нам приводом артиллерии, если мы не исполним их требования. Стоящие на площади два орудия (трехдюймовые) были направлены толпой против училища. На улицах — чрезвычайно нервная обстановка, угрозы против комиссаров с минуты на минуту могли превратиться в действия».

Классовое чутье не обмануло рабочих. После капитуляции руководители «комитета общественной безопасности» приступили к организации саботажа во всех учреждениях города Москвы. Офицеры развернули вербовку в контрреволюционную армию и отправляли белогвардейцев на Дон, где сколачивал свои банды Каледин. Основная масса офицеров и юнкеров, сражавшихся против рабочих и солдат в Москве, пошла на пополнение рядов организовавшейся на Дону и Украине контрреволюции.

Уступчивость, и в последнюю минуту еще проявленная Московским военно-революционным комитетом к вполне выявившимся классовым врагам, не принесли ничего кроме вреда пролетарской революции.

Октябрьское восстание в Москве было подлинным народным восстанием. В борьбу были втянуты широчайшие рабочие и солдатские массы.

Фабрики и заводы были крепостями этого восстания. Рабочие выделяли из своей среды лучших бойцов, доставляли оружие и все необходимое для победы. Своим революционным порывом и классовой сознательностью они оказывали громадное влияние на солдатскую массу, вовлекали ее в борьбу, руководили ею. Рабочие массы и часть гарнизона требовали от районных революционных центров непримиримости, стойкости, решительного наступления. Наступление, а не оборона стало лозунгом масс. Воспитанные уроками декабрьского восстания 1905 года, московские рабочие знали, что только кровавая, отчаянная борьба, только энергичное наступление обеспечат победу. Районные центры в свою очередь настаивали на переходе центральных руководящих органов восстания к наступательной тактике. Благодаря революционному творчеству и героической решимости рабочих-передовиков в районах был исправлен ряд ошибок руководства. Благодаря самоотверженности масс была достигнута победа.

В Москве, как и в Петрограде, организация восстания и руководство им оставались безраздельно в руках одной партии — партии большевиков.

В Москве в не меньшей степени, чем в Петрограде, действительным вдохновителем восстания был Ленин, за которым без всяких колебаний шла московская организация большевиков.

С начала октябрьских боев в Москве великий гений социалистической революции Ленин внимательно следил за ходом борьбы в Москве, оказывая московскому пролетариату и его большевистской организации всестороннюю помощь.

На помощь московским рабочим Петроградский военно-революционный комитет, возглавляемый Сталиным, послал значительные вооруженные силы.

Отряды, посланные Лениным и Сталиным, с величайшим энтузиазмом вместе с пролетарскими отрядами московских рабочих громили белогвардейских мятежников. Прибытие революционных подкреплений из Петрограда, Иваново-Вознесенска и других городов неизмеримо укрепило позиции революционных сил и, наоборот, вносило деморализацию в ряды мятежников.

Серьезные ошибки, допущенные в Октябрьские дни в Москве, были следствием того, что «главные правила искусства восстания», о которых настойчиво напоминал и

своих письмах Ленин, нарушались ведущими боевыми органами как при организации восстания, так и в руководстве вооруженной борьбой. Как бы предвидя возможность этих ошибок, Ленин напоминал в своих письмах, что

> «...вооруженное восстание есть особый вид политической борьбы, подчиненный особым законам, в которые надо внимательно вдуматься» [1].

Допущенные в Октябрьские дни в Москве ошибки явились результатом того, что эти особые законы вооруженного восстания были недостаточно поняты, нередко их игнорировали, забывали о них.

В Петрограде контрреволюционное выступление юнкеров было беспощадно раздавлено в одну ночь. В Москве же руководство обнаружило медлительность и нерешительность, а кое-кто из состава руководящих органов — и предательское колебание, приведшие к затяжке борьбы. Вопреки указаниям Ленина «начиная его (восстание. — *Ред.*), знать твердо, что надо итти до конца [2], московские большевики уже при организации руководящих органов допустили ошибки, затруднившие победу. В добавление к ошибкам, совершенным в первые дни борьбы, следует отнести еще следующие:

1. Технической подготовки восстания не было. Боевые органы были созданы поздно. Приводные ремни от партии большевиков к солдатам оказались к началу восстания недостаточно крепкими.

2. Военно-революционный комитет по указанию Партийного центра ввел в свою среду меньшевиков и объединенцев. В Петрограде оборона, в том числе и приглашение других партий в состав партий, в состав Военно-революционного комитета, была прикрытием наступления. В Москве введение эсеро-меньшевиков в Военно-революционный комитет было принято всерьез.

3. В военно-революционных комитетах, как в центре, так и в районах, в начале боевых действий не было товарищей, хорошо знавших военное дело. В известной мере военно-технической слабостью Военно-революционного комитета можно объяснить тот факт, что руководство вос-

---

[1] Ленин В. И. Советы постороннего. Сочинения, том XXI. стр. 319.

[2] Там же.

станием не обеспечило немедленного и прочного захвата арсенала и пороховых погребов для вооружения рабочих и солдат.

4. В Петрограде восстание отличалось исключительной организованностью. В Москве, особенно в первый период, преобладал самотек. «Раз восстание начато, надо действовать с величайшей *решительностью* и непременно, безусловно переходить *в наступление*. «Оборона есть смерть вооруженного восстания»[1], — так учил Ленин.

В составе Военно-революционного комитета, как и Партийного центра, в Москве оказались люди, не верившие в силы пролетарской революции, отрицавшие возможность победы социализма в России. Они были против вооруженного восстания. Они рассчитывали предупредить восстание. Они вступили и до и в процессе восстания в предательские переговоры с классовым врагом. Но этими-то переговорами и воспользовался противник. Он выиграл время, чтобы сорганизоваться. Обманом он захватил Кремль, окружил здание Совета и предъявил ультиматум Военно-революционному комитету.

Московская организация большевиков, руководствуясь указаниями Ленина и Сталина, отбросила колеблющихся, сломила сопротивление противников восстания и добилась решающей победы над контрреволюцией в Москве.

---

[1] Ленин В. И. Советы постороннего. Сочинения, том XXI, стр. 320.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр
1. Начало выступления	5
2. Переговоры с белыми	20
3. Ультиматум белых	25
4. Сдача Кремля	35
5. Наступление революционных войск	49
6. Перемирие	64
7. Боевые действия после перемирия	75
8. Разгром контрреволюции	79
9. Капитуляция белых	88

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при ЦК ВКП(б)

Редактор И. Мамонтов.
Обложка и титул художника
Л. Юркевича.
Технический редактор А. Лилье.

* * *

Л103147.
Подписано к печати 8/VIII 1947 г.
Формат бумаги 84×108$^{1}/_{32}$. Объем 6 п. л.
+ 6 вклеек.
Уч.-изд. 5,78 л. Тираж 110,000 (второй завод
50 001—110 000 Заказ 249.

* * *

Типография изд-ва «Московский рабочий».
Москва, Петровка, 17.

39

Цена 2 р. 25 к.